

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 28

С приложением „Судебная практика“
(приложение выходит 2 раза в месяц).

22 Июля 1929 года

Как выполняются на местах предложения НК РКИ по вопросу об улучшении работы судов.

В 1927 г. НК РКИ проделал большую работу по обследованию деятельности судебно-прокурорских органов. В результате обследования Коллегия НК РКИ выдвинула целый ряд практических предложений, направленных к упрощению и улучшению работы суда и прокуратуры. В свое время работа группы Радус-Зеньковича вызвала оживленную дискуссию, и ее предложения были опубликованы на страницах «ЕСЮ» (№ 39—40 за 1927 г.).

С тех пор прошло более года и как-будто пора подвести некоторые итоги тому, как эти предложения на местах выполняются. Оргинстр НКЮ такую работу проделал, запросив отчетный материал от всех судебно-прокурорских органов. Но на основании полученных материалов чрезвычайно трудно судить, насколько удовлетворительно осуществляются те или иные предложения РКИ. По целому ряду важнейших предложений имеются такого рода ответы: «выполняется», «слабо проводится» и т. п.

По таким ответам, или вернее отпискам, трудно получить представление о том, каковы же практические результаты проделанной работы.

Совершенно иную картину дают итоги обследований, проводимых работниками НКЮ при выездах на места. Создается такое впечатление, что многие суды и прокуратуры недостаточно серьезно отнеслись к выполнению предложений РКИ и в повседневной своей работе не фиксируют внимания низовых работников на этих предложениях. Для примера, возьмем Владимирскую губ. Следует оговориться, что она не является каким-то исключением. О ней приходится говорить, поскольку там недавно было проведено обследование.

Остановимся на более существенных предложениях из группы вопросов, улучшающих технику процесса по гражданским и уголовным делам.

О том громадном значении, которое имеет предложение о предварительной подготовке дел (личный прием судьей и т. п.), говорить не приходится. Но как оно проводится? При обследовании нарсуда 4-го уч. Ковровского у., выяснилось, что личного приема, как определенной системы в работе судьи не имеется. Прием производится от случая к случаю. А ведь личный прием обеспечивает предварительную подготовку дел и повышает качество работы. Что же мы имеем в результате? По количеству дел нарсуд 4 уч. в уезде

считается одним из больших: среднее месячное поступление 156 дел. Уполномоченный губсуда уже ввел в систему периодические командировки запасного судьи для разгрузки этого участка. И, действительно, нарсудья на каждое заседание в среднем назначает 12 дел и все же в остатке имеется около 300 неразрешенных дел. Объясняется это тем, что постоянный судья не проводит предварительной подготовки дел и все дела сразу же вносит в заседание. А в заседаниях дела откладываются, прекращаются и передаются по подсудности. В результате, из 754 дел, назначенных к слушанию, было отложено 163, прекращено и передано по подсудности 144 дела. Вместо 12 дел, на судебное заседание оставалось 7 дел. Полезная нагрузка равна 60%. Бывают и такие случаи, что суд, вызвав в заседание целый ряд лиц и не допросив их, прекращает дело за маловажностью. Отсюда ясно, что если бы постоянный судья данного участка как следует подготавливал дела, то не нужно было бы командировать ему в помощь запасного судью.

Плохо обстоит дело с рассылкой повесток и с назначением дел к слушанию. РКИ предложила рассылать повестки не позднее 48 часов по поступлению заявления, а по линии Верхсуда есть предложение о том, чтобы ни одно дело не лежало неназначенным. В том же участке нарсуда всегда можно найти дела, не принятые к производству, дела, не назначенные еще к слушанию, а также дела, по которым не посланы повестки недели две—три. В результате перегрузки судебных заседаний, благодаря отсутствию предварительной подготовки и такому порядку назначения дел к слушанию, средний срок прохождения дела в суде равен 55 дням. Имеются и такие дела, которые в мае м-це не были рассмотрены, хотя поступили в январе—апреле м-це.

Неудовлетворительно поставлена календарная система назначения дел к слушанию в кассационных коллегиях. По той системе, которая принята в Владимирской губ., нагрузку определяют не кассационные инстанции, а нарсуды. Местам определенной нормы назначения дел не дано и поэтому в мае м-це ежедневная нагрузка по УКО колебалась от 2 до 48 дел, а по ГКО—от 30 до 95 дел. При такой нагрузке качество работы побивается количеством. Дела не рассматриваются, а штампуются.

Следовало бы установить такой порядок, при котором каждому участку нарсуда было отведено определенное количество единиц, в зависимости от характера дел, поступающих в участок, их количества, квалификации судьи и % обжалования решенных дел.

Совершенно не выполняется предложение о том, чтобы нарсуды в случаях признания иска и размера его выносили не мотивированное решение, а лишь краткую резолюцию. По сообщению губсуда, в таких случаях дела обычно заканчиваются мировым соглашением. Быть может теоретически это верно. Но в работе суда дело обстоит иначе: мировых соглашений нет, а есть многословные решения по самому простому иску, признанному ответчиком.

Плохо обстоит дело с применением 177 ст. ГПК. РКК предложило применять 177 ст. ГПК в исключительных случаях. А вот в нарсуде 4-го уч. применение 177 ст. ГПК стало правилом. Правда, ни в одном деле нет указания на вынесение решения в 3-дневный срок. 177 ст. ГПК применяется нелегально и при обследовании было обнаружено большое количество дел, решения по которым не подписаны заседателями. Мало того, что стороны лишний раз должны будут прийти в суд, таскают также и заседателей. Ущерб производству несомненный.

По вопросу об исполнении решений РКК предложила возложить на постоянных судей ответственность за точное и своевременное исполнение судебных решений. Это предложение возлагает на судью не только ответственность, но и обязанность руководить работой судисполнителей. Как же обстоит дело во Владимирской губ.? Говорить о каком-либо руководстве со стороны нарсудей не приходится. Больше того, губсуд за полтора года обследовал деятельность всего 5 судисполн. участков из имеющихся 13. Под боком у губсуда судисполнители (гор. Владимира) так ведут работу, что не знают, сколько у них в производстве дел. Последнее, по заявлению судисполнителей, объясняется тем, что не подошел еще отчетный срок. Выходит, что о паличном числе дел они могут знать только два раза в год. Может ли быть при такой бессистемности какая-либо очередность в исполнении? Исполняют, что попало под руку. Иного ведь положение быть не может.

Теперь перейдем к вопросу о карательной политике. По делам о растратах РКК высказалась за необходимость сохранения суровых мер репрессии.

И здесь оказывается не все обстоит благополучно. Если возьмем общую карательную политику Владимирских судебных органов и выделим для сравнения имущественные и должностные преступления, то получится, что по имущественным преступлениям лишению свободы было подвергнуто 62% осужденных, а по должностным—58%. По 4 уч. Ковровского у. соответственно будет—33 и 15%, а к принудительным работам—58 и 62%. Насколько в иных случаях недооценивается проводимая борьба с растратами можно видеть из следующего примера. Губсуд судил одного растратчика из сельского кооператива за растрату 700 руб. Этот растратчик когда-то имел собственную чайную, но, прогорев, поступил в ЕПО в качестве заведывающего чайной. Будучи уволен за растрату, этот заведывающий на кооперативные деньги вновь открыл свою чайную. Губсуд за эти художества приговорил его к 8 месяцам лишения свободы. Впоследствии исполнение приговора было отсрочено под предлогом по-

левых работ. И такие случаи не единичны. Или, например, нарсуд прекращает дело о растрате 53 рублей, мотивируя это маловажностью.

Чем же объясняются такие погрешности в работе судебных органов? Выше мы говорили, что суд в повседневной своей работе не привлекает внимания работников к этим участкам работы. Общие политические директивы давались своевременно, но как эти директивы выполняются, губсуды не интересуются. За полтора года было обследовано и обревизовано силами суда всего около 50% участков нарсуда и при ревизиях проверки выполнения предложений РКК не было.

Таковы некоторые итоги выполнения предложения НК РКК по судебной линии.

Г. Уваров.

Новые пути советской защиты.

На VI съезде прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР (20—27 февраля с. г.) Нарком юстиции тов. Янсон в своем докладе о судебной работе уделил достаточно внимания вопросу о работе советских защитников. Им было указано, что лишь только в самое недавнее время в НКЮ окончательно установилась определенная линия и полная ясность в вопросе об институте защиты.

Было время, когда в органах юстиции, особенно в низовых его звеньях, существовало серьезное движение в пользу ликвидации коллегий защитников.

Позже по изучению вопроса НКЮ пришел к выводу, что ликвидация коллегий защитников в настоящее время несвоевременна и нецелесообразна. Но сохранение их до того момента, когда они за ненадобностью умрут своей естественной смертью, тем не менее не исключает настоятельной необходимости теперь же принять ряд мероприятий с целью упорядочить эту работу.

До последнего времени институт коллегий защитников в большей своей части не напел еще соответствующего места в системе судебных органов.

Не все еще члены коллегий защитников усвоили и полностью осознали происшедшую с момента Октябрьской революции перемену общественных и производственных отношений. Частично мы должны признать, что в эпоху капитализма в России и существование классового суда, защищавшего интересы небольших капиталистических групп, некоторые представители тогдашней присяжной адвокатуры, многие из которых теперь состоят членами коллегий защитников, являлись в то время представителями прогрессивной части общественности, вносили в тогдашний царский суд элементы общественности, боролись с косностью и замкнутостью капиталистической касты.

В то время это было прогрессом, в настоящее же время, в эпоху пролетарской диктатуры, такая деятельность должна быть признана вредной, регрессом. А тем не менее некоторые чкз и теперь считают возможным занять примерно такую же, как и раньше, позицию, позицию постоянного трибунала, защищающего интересы народа.

Позиция эта совершенно неправильна. Товарищи не могут понять разницы между судом капиталистического общества и судом эпохи пролетарской диктатуры. Теперешний суд—суд народный, суд масс. Теперешний выборный суд, через заседателей, через

печать и отчетность на собраниях рабочих и крестьян крепко связан с трудящимися массами и находится под их общественным контролем. Поэтому задачей теперешнего советского защитника должна быть не защита своего клиента от суда во что бы то ни стало, не противопоставление интересов своего доверителя интересам общества и интересам пролетарского государства. Теперь чкз должны смотреть на себя как на часть суда, как на помощников суда при разборе судебных дел и соответственно этому найти новые формы и методы своей работы.

Одной из новых форм работы коллегий, способствующей изживанию наблюдающихся теперь противоречий и предвзятого отношения к чкз со стороны работников суда являются коллективы защитников. Как правило, вступающие в коллектив должны отказаться от частной практики и осуществлять свою профессиональную деятельность только через коллективы. Коллективы должны оказывать населению юридическую помощь за плату по установленной президиумом и утвержденной губернскими или окружными судами таксе.

Такса должна учитывать материальное положение и социальную принадлежность обращающегося за помощью. Что касается красноармейцев, милиционеров, или инвалидов, рабочих и служащих с низким окладом, а также батраков, крестьян—бедняков и середняков, освобожденных от уплаты сельхозналога, то эта категория граждан должна получать все виды юридической помощи бесплатно.

Работники коллектива должны участвовать в массовой работе по пропаганде права, а также вести бесплатную защиту по уголовным и гражданским делам по предложению суда и по назначению президиума коллегий защитников.

При организации коллективов необходимо следить за тем, чтобы в состав коллектива входило бы достаточное количество специалистов по всем отраслям права.

В большинстве коллегий наличное число защитников превышает действительную потребность в них. Поэтому для каждого района и округа необходимо установить определенное количество чкз, соответственно нуждам населения, и ежегодно пересматривать состав коллегий с целью пополнения ее молодыми силами, оканчивающими вузы, и с целью отчисления таких чкз, которые не смотрят на себя как на помощников суда.

Последнее положение ставит перед каждым чкз вопрос о том, должен ли он браться за защиту подсудимого, если из обстоятельств дела он пришел к заключению, что при разборе данного дела он не может оказать помощи и содействия суду.

Прежде присяжный поверенный исключался из сословия за то, что он отказывался от защиты подсудимого на суде, теперь при наличии указанных выше обстоятельств такой отказ должен быть правилом для чкз.

Даже опыт деятельности московских коллективов защиты показал, что эта форма защиты есть наиболее правильная. Чувствуется, что коллективизация защиты уменьшит случаи волокиты, сутяжничества и ведения во что бы то ни стало, во всех инстанциях, лишь бы иметь работу, лишь бы угодить клиенту. Уменьшатся случаи, когда дело кассируется, переносится в Верховный суд и прочие инстанции только по-

тому, что этого хочет клиент, что клиент может заплатить за труд.

Мы твердо уверены, что коллективная форма защиты есть начало крупного и важного переустройства прежних капиталистических форм защиты (частный кабинет) в новый более отвечающий советской структуре вид правового представительства.

Шмелев.

Нужно расширить права сельских примкамер.

На основе постановления Коллегии ИКЮ от 20 декабря 1928 г. в ряде губерний и округов организованы примкамеры при сельсоветах. Если в момент их организации некоторые судебные работники выражали боязнь, что примкамеры не справятся с возложенными на них задачами, то сейчас после полугодового опыта их работы можно с уверенностью сказать, что примкамеры со своими задачами справляются вполне (не считая, конечно, некоторых недостатков), что они авторитетны среди населения, доступны и близки ему.

Только название «примирительная камера» не укладывается в сознании населения и есть тенденция называть их «сельскими судами», что проще, понятнее и более целесообразно.

Сейчас на основе опыта 6-месячной работы нужно внести ряд изменений в положение о примкамерах в сторону расширения прав этих камер и улучшению их работы.

1. Нужно расширить самую сеть судов, организовав их при каждом сельсовете.
2. Передать их в ведение дела о мелком хулиганстве, т. к. с мелким хулиганством трудно бороться административными мерами, рассмотрение же дел о хулиганстве в примкамерах имеет воспитательное влияние на окружающую среду и способствует их изжитию. Для примера можно привести следующие случаи:

а) В одном из сел Рубцовского района два молодых парня перед началом спектакля в народном доме распугали. На следующий день примкамера рассмотрела это дело и решила одному объявить общественное порицание с опубликованием в стенгазете, а второго подвергнуть двум дням принудработы.

б) Примкамера постановила заставить молодого парня, вымазавшего дегтем ворота, очистить эти ворота. Во время чистки собралась молодежь, которая критиковала его поступок.

После того, как подобные дела стали рассматриваться в примкамерах, хулиганство в селе резко уменьшилось.

3. Передать в примкамеры дела по искам до 15 рублей к госорганам и общественным организациям и наоборот госорганов и общественных организаций к частным лицам, т. к. практика показала целесообразность этого.

Точно также примкамерам нужно передать иски о зарплате до 15 рублей. Лебяжинская примкамера Рубцовского района рассмотрела, напр., дело по иску к Лебяжинскому сельсовету о зарплате за мытье полов в избачитальне и разрешила вполне правильно.

И действительно, неужели целесообразно, чтобы бедняк, которому нужно получить 2—3 руб., ехал бы

в парсуд за 30 верст. Ясно, что нет, а отсюда и целесообразность передачи этих дел в примкамеры.

Примкамеры должны придерживаться общегражданской исковой давности, а были случаи, когда примкамеры принимали к своему рассмотрению дела без соблюдения каких бы то ни было сроков давности. Напр., Веселоярская примкамера Рубцовского района разобрала дело о 7 руб. за настилку полов в 1920 г. — (через 9 лет).

5. Из состава членов примкамер нужно выделить заместителя председателя, т. к. председатели примкамер, в большинстве своем являясь одновременно председателями сельсоветов, бывают часто перегружены работой по сельскому совету. Это порождает волокиту и нарушает установленный срок рассмотрения дел в примкамерах.

Все эти предложения выработаны в результате обследования 11 примкамер Рубцовского района и округа.

Проведение этих мероприятий при условии живого инструктирования примкамер будет способствовать приближению суда к населению, быстрому рассмотрению и исполнению дел.

Можсейко.

Рубцовск, Сибкрай.

Улучшить работу с рабселькоровскими заметками.

В этой статье я постараюсь собрать воедино основные причины, препятствующие нормальной работе прокуратуры с рабселькоровскими заметками, и указать пути к их устранению.

Параллельные расследования.

Параллельные расследования газетных заметок возможны в двух случаях: когда рабкор пишет по какому-либо поводу в газету и обращается по тому же поводу непосредственно в орган, ведающий расследованием, и когда за расследование напечатанной в газете заметки берется несколько органов. Изжить параллелизм в этих случаях можно будет только тогда, когда компетенция каждого органа власти будет строго определена, чего в настоящее время еще нет. Для устранения же параллелизма в расследовании напечатанных заметок необходимо: 1) более или менее точно установить признаки, по которым можно было определить кому надлежит заняться данной заметкой, 2) иметь определенный орган, который разрешал бы на основе этих признаков вопрос, куда направить каждую данную заметку на расследование.

В Москве дело обстоит следующим образом. Органом, решающим куда нужно направить заметку для проверки, является бюро расследований газеты. Практика ряда лет доказала, что это — самый верный способ избежать параллельных расследований. У нас, как правило, ни прокуратура, ни РКИ «самочинно» к расследованию газетной заметки не приступают, а начинают расследование лишь тогда, когда эта заметка поступает от бюро расследований газеты. Такой порядок, конечно, не создает ни для прокуратуры, ни для РКИ обязанности расследовать всякую присланную газетой заметку. В одних случаях заметка возвращается без расследования, если она его не требует; в других она передается в надлежащий орган, если бюро расследований дало ей неверное направление.

Признаком для определения того, направить ли заметку в прокуратуру или в другой орган, обычно считают наличие или отсутствие указаний на преступление. Однако, это не совсем верно. Прокуратура ведает не только уголовными расследованиями: она осуществляет и общий надзор, и специально-судебный (в том числе и гражданский) надзор. В связи с этим в прокуратуру направляются не только заметки уголовного характера, но и вообще все заметки, по содержанию своему относящиеся к компетенции прокуратуры. Таким образом, весь вопрос сводится к наиболее полному ознакомлению работников бюро расследований газет с функциями прокуратуры, к инструктированию, к взаимной связи. Наиболее сложными в смысле выбора — куда направить? — являются заметки о бюрократизме и волоките. По этому поводу мы придерживаемся такой линии: заметки, более или менее отчетливо рисующие определенный факт или ряд фактов бюрократизма или волокиты со стороны должностных лиц, посылаются в прокуратуру; заметки с более общим содержанием, требующие предварительного изучения системы работы аппарата, направляются в РКИ.

В отдельных случаях, когда требуется быстрота, прокуратура начинает расследование немедленно по выходе газеты, но при этом тут же уведомляет бюро расследований газеты по телефону о принятии к расследованию такой-то заметки.

В провинции, где газет, являющихся основными поставщиками разоблачительного материала, меньше, московский опыт может быть полностью осуществлен без особых затруднений. Там и инструктирование и постоянную связь установить гораздо легче.

Рабселькоровские письма или жалобы?

В последнее время в прокуратуру через редакции газет усилился приток жалоб личного характера под видом рабселькоровских корреспонденций. О напечатанных заметках говорить не приходится: коль скоро редакция поместила заметку, значит она придает ей общественное значение, но по отношению к неопубликованным корреспонденциям у большинства редакций нет четкой линии; вернее, они идут по линии наименьшего соприкосновения, и если заметка не печатается, то они посылают ее «на расследование», «на проверку» и т. д. Между тем, это в корне неправильно. Газета не должна и не может быть ходатаем перед органами власти по делам граждан. Когда мы всячески боремся с волокитой, стараемся сократить число инстанций, по которым проходит жалоба, и, следовательно, сроки ее рассмотрения, совершенно недопустимо создавать еще одну громоздкую инстанцию, исполняющую функцию передаточного механизма. А именно такую роль играет газета, принимающая от гражданина жалобу на судебное решение по его делу и передающая ее в прокуратуру «для рассмотрения в порядке надзора». Разница только в том, что если бы гражданин обратился непосредственно в прокуратуру, то рассмотрение его жалобы обошлось бы государству значительно дешевле, так как не приводился бы в действие аппарат бюро расследований газеты, не тратилась бы лишняя бумага на препроводительные и снятие копий (газеты почти всегда посылают жалобы в копиях), не было бы лишних почтовых расходов и т. д. Мало того, что при такой системе усложняется путь жалобы и удорожается ее рассмотрение, — жалоб-

щик вдобавок к этому совершенно неосновательно избегает уплаты сборов по гражданским делам. В этом отношении интересно отметить поступившую недавно в Московскую прокуратуру неопубликованную рабселькоровскую заметку «Рабочей Газеты» (№ 16566). Ответчик, против которого суд вынес решение о выселении, обратился с жалобой в Об'единенное бюро жалоб НКРКИ. Там жалобы у него не приняли и раз'яснили что ее нужно подать в прокуратуру, поскольку решение вступило в законную силу. В прокуратуре жалобщнику предложили уплатить гербовый сбор. Тогда ответчик избрал другой путь. Из жалобщика он превратился в рабкора и написал в «Рабочую Газету» заметку о бюрократизме НКРКИ и губпрокуратуры и... о неправомерном его выселении. «Рабочая Газета» привела в действие свой аппарат, и через 10 дней жалоба ответчика прибыла по почте без сборов и уже с накладными расходами в ту же губпрокуратуру. Этот случай — исключителен по своей наглядности, но по существу он представляет собою массовое явление. В отчетности прокуроров среди прочих рабкоровских заметок едва ли не самое солидное место занимает графа так называемых «прочих заметок» (по Мосгубпрокуратуре она выражается в 59% за 1928 г.). Эти «прочие заметки» в большинстве своем и являются самыми обычными жалобами, благодаря нашей неосмотрительности приобретающими исключительно привилегированное положение. Помимо тех ненормальностей, о которых сказано выше, такой порядок не годится еще и потому, что он засоряет работу с подлинно-рабкоровскими заметками. Значительный процент неподтверждающихся заметок составляют именно эти жалобы личного характера. Загромождая аппарат, они естественно отражаются на качестве расследования других заметок и создают условия, благоприятные для волокиты.

Редакция газет нужно немедленно и решительно отказаться от пересылки такого рода жалоб, в какой бы форме они ни подавались. Редакции должны иметь дело с рабочими и крестьянскими корреспондентами, а гражданам, обращающимся с личными жалобами, не представляющими общественного интереса, бюро расследований газеты или юридическая консультация, где таковая имеется, должны раз'яснить порядок подачи жалобы и больше ничего.

Такое мероприятие если оно будет проведено решительно и жестко, резко ударит по волоките, разгрузив аппарат от излишнего баласта.

Право, мы подчас в своем «непротивлении злу» доходим до абсурда. Иллюстрирую это одним примером. «Рабкорка» Л., живущая в г. Красноуфимске в собственном доме, пишет в газету «Гудок» разоблачительную заметку. Она, видите ли, изволила выписать из Москвы за 4 руб. 15 коп. краску для волос. Полученный ею в посылке флакон краски оказался поврежденным. Краска была возвращена, а заказчица, выждав некоторое время и отчаявшись в получении нового флакона, написала сатирическую корреспонденцию в «Гудок». Напечатать эту корреспонденцию или дать корреспондентке раз'яснение в почтовом ящике «Гудок» не нашел нужным, в корзину бросить, очевидно, не решился (почему?), и корреспонденция (№ 3722) была направлена в губпрокуратуру для «принятия мер» с обычным (трафарет) предупреждением, «что разглашение имени корреспондента или содержания заметки является уголовно-наказуемым преступлением». Зачем газете нужно заниматься такими

делами, зачем загроможждать свой собственный аппарат и аппарат прокуратуры, какое общественное значение усмотрела редакция «Гудка» в разбитом флаконе краски для волос?

Итак, второе мероприятие, необходимое для устранения волокиты в расследовании рабселькоровских писем, сводится к решительному ограждению прокуратуры от потока «привилегированных жалоб», идущих под видом рабселькоровских заметок. Это разгрузит аппарат не меньше, чем на 50%, и даст возможность **больше** внимания, больше энергии, больше времени уделять подлинно рабселькоровским корреспонденциям.

На первый взгляд может показаться, что мое предложение бьет мимо цели, ибо жалобы-де все равно попадут в прокуратуру, хотя бы и не через газету, а непосредственно от жалобщиков. Это не совсем так. Нужно иметь в виду, что газета — не единственная инстанция, в которую обращается жалобщик. Обычно это одна из многих инстанций перед которыми жалобщик добивается желательных для него результатов. Передо мною жалоба артистки К.-Т., адресованная во ВЦИК, НКТ, МРКИ, Губпрокурору, т. т. Рыкову, Луначарскому и Бухарину.

В данном случае жалобщница добросовестно указала все инстанции, куда она сочла нужным обратиться. Обычно же это держится в секрете, и какое-нибудь дело о штрафе в 10 рублей делается достоинством 2—3 газет и 2—3 учреждений, до поры до времени не знающих о том, что параллельно с каждым из них проверку производят и другие органы. Очень часто жалобщик, прошедший все установленные законом инстанции, только после этого обращается в газету, и аппаратная машина начинает вертеться с начала — до тех пор, пока не выяснится, что вопрос уже получил свое окончательное разрешение. Между тем, непосредственно в прокуратуру жалобщик уже не обратился бы, если его вопрос там рассмотрен. Наконец, если известный процент жалоб, идущих в настоящее время через газеты, все же попадет в прокуратуру, это будет все-таки менее громоздко и более просто.

Само собой разумеется, что устранение параллелизма и отсеивание личных жалоб, не представляющих общественного интереса, окончательно вопроса о волоките в расследовании газетных заметок не разрешат. Есть ряд причин, порождающих волокиту в самих органах расследования, в их личном составе, в методах работы, в непосильной загрузке, в объективных условиях. Однако, поскольку все эти условия существуют не только в области расследования газетных заметок, я на них останавливаться не буду. Укажу только на один недостаток: у нас еще слишком редко прибегают к расследованию через административно-правовые секции, а проверка через секцию обычно производится гораздо быстрее, нежели официальное расследование. Московская прокуратура имеет несколько более или менее постоянных секционеров, которым поручается проверка только газетных заметок. И нужно сказать, что этот метод расследования полностью себя оправдывает. Секционер не связан никакими формальностями, он ведет беседу с рядом лиц, могущих дать нужные сведения по делу, лично и непосредственно знакомится с положением вещей на месте и затем на основании собранных таким путем материалов дает свое заключение. Дать юридическую квалификацию тому или иному явлению, если это тре-

буется,—уже дело прокуратуры. В таких делах, как волокита в рассмотрении какого-либо вопроса, протекционизм, жилищные неурядицы и враждебные группировки в жилищных товариществах, затирание выдвиженцев, секционер почти незаменим.

Там где члены административно-правовой секции еще в недостаточной степени втянуты в работу прокуратуры, это необходимо сделать немедленно и в первую очередь по линии проверки газетных заметок.

Итак, первыми серьезными ударами по волоките должны быть устранение параллелизма, полнейший отказ редакций газет от пересылки в прокуратуру не имеющих общественного значения жалоб личного характера и максимальное использование для проверки газетных заметок членов административно-правовых секций советов.

Л. Азов.

Москва.

Прокуратура и рабселькоры должны держать тесную связь.

Для всех очевидно, что в борьбе за революционную законность рабселькоры являются верными и надежными помощниками прокуратуры. Однако, несмотря на это, достаточной связи между прокуратурой и рабселькорами до сих пор еще нет. Кроме того, если работники прокуратуры, просматривая печатные газеты, быстро откликаются на разоблачения рабселькоров, то они не в состоянии просматривать все городские и деревенские стенные газеты, а между тем, в стенных газетах рабселькоры нередко пикут о вопиющих безобразиях и преступлениях, которые требуют вмешательства прокуратуры. Таким образом, стенные газеты в большинстве случаев остаются вне поля зрения прокуратуры, а местные власти их, как правило, не замечают, и разоблачения стенных газет часто не дают положительных результатов. Такое положение, с одной стороны, охлаждает желание рабселькоров писать, а с другой—помогает преступникам скрывать следы своих преступлений. Нет никакого сомнения, что всякий разоблаченный преступник, прочитав газету, постарается заблаговременно принять меры к тому, чтобы избежать ответственности. Примириться с этим явлением нельзя, его нужно во что бы то ни стало устранить и, чем скорее, тем лучше.

Редакционные коллеги стенных газет должны ставить прокуратуру в известность о всех заметках, разоблачающих преступления, и, хотя бы периодически, сообщать ей о нездоровых явлениях, которые отмечаются стенными газетами. Представители же прокуратуры, в свою очередь, должны не только рассматривать, насколько это возможно, газеты и производить по заметкам расследования, но и проводить с рабселькорами совещания о способах борьбы с нарушениями революционной законности. Кроме того, прокуратура должна обязать нарследователей и участковых милиционеров при выезде в деревню просматривать стенные газеты.

При наличии тесной связи стенных газет и рабселькоров с прокуратурой они будут играть в общественной жизни более значительную роль, чем играют теперь, и рабселькоры будут знать, что их честная, и нередко сопряженная с опасностями, деятельность, даст нужные результаты.

Участковый прокурор *И. Кухтин.*

Г. Ливны, Елецкого окр.

Поворот решений по трудовым делам.

В № 12 «Ежен. сов. юст.» от 29 марта с. г. в заметке о повороте решений по трудовым делам Д. Владимиров подвергает жестокой критике определение ГКК Верхсуда от 31 июля 1928 г. по д. № 33439, где подтверждается твердо установившийся в нашей судебной практике взгляд о недопустимости поворота решений по трудовым делам. Автор указывает, что определение это противоречит постановлению ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г. о порядке рассмотрения трудовых конфликтов и прежней практике Верхсуда по аналогичным делам и, кроме того, создает возможность непроизводительной затраты средств госорганами-наимателями.

Что же, собственно говоря, вызвало такую резкую критику со стороны автора? Указанное определение Верхсуда решительно не содержит в себе ничего такого, что могло бы вызвать ее, так как оно подтверждает неуклонно проводимую Верхсудом точку зрения о неприменимости к трудовым отношениям норм ГК и, в частности, ст. 399 ГК о неосновательном обогащении.

Казалось бы, что с изданием постановления ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г. о порядке разрешения трудовых конфликтов не может быть уже никаких сомнений в том, что вообще поворот решений по трудовым искам не допускается, за исключением случаев, когда решение было основано на подложных документах, представленных трудящимися, или сообщенных ими ложных сведений (ст.ст. 44 и 61 цит. пост.). Мало того, как видно из правил, утвержденных НКТ СССР 12 декабря 1928 г. (Изв. НКТ № 51—52), подложность документов или ложность сведений, положенных в основу опорочиваемого решения, должны быть установлены судебным решением, либо иными бесспорными доказательствами (ст. 18 лит. Г. пол. о надзоре за деятельностью РКК, примкамер и третсулов). За исключением этих случаев полученные трудящимися суммы по решению примирительно-конфликтных или судебных органов возврату не подлежат ни при каких условиях, и таким образом жестоко ошибается автор названной заметки, полагая, что определение ГКК от 31 июля 1928 г. противоречит пост. ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г. в какой бы то ни было мере. Равным образом совершенно неоснователен упрек в несогласованности или отступлении от прежней практики Верхсуда. Повидимому автор неизвестны определения ГКК Верхсуда от 15 марта 1928 г. по д. «Кр. Треугольника» и 25 мая того же года по д. Каласкина с Жактом д. № 1 по Тверской ул. (см. «Вопросы труда» № 6 и № 7—8 1928 г.), в которых Верхсуд высказывал ту же точку зрения, что и в определении от 31 июля 1928 г., цитируемом автором указанной заметки.

Напомним, что впервые вопрос этот был подвергнут обсуждению в Пленуме Верхсуда еще в 1926 г., при чем в последовавшем тогда разъяснении от 5 июля (прот. № 11, п. 10) по д. гр. Абрагама с издательством «Бюллетень Мосфинотдела» Верхсуд высказался в том смысле, что обратное взыскание сумм, выплаченных добровольно нанIMATEЛЕМ по трудовому договору, представляется недопустимым, так как ст. ст. 399 и сл. ГК, говорящие о неосновательном обогащении за чужой счет, неприменимы вообще к трудовым делам.

Это раз'яснение Пленума Верховсуда понималось так, что нельзя взыскивать обратно с трудящихся те суммы, которые уплачены нанимателем добровольно, но в тех случаях, когда наниматель уплатил трудящемуся определенную сумму по решению суда, т. е. в принудительном порядке, работодатель не может быть лишен права истребовать обратно эту сумму, если решение суда будет впоследствии отменено.

В таком именно смысле был разрешен спор по частному случаю трудовой сессией г. Ленинграда, признавшей за нанимателем право обратного взыскания с рабочих суммы, выплаченной им по исполнительному листу на основании решения, которое было через некоторое время отменено в порядке надзора по протесту прокурора по трудовым делам при Верховсуде. Решение трудсессии было оставлено в силе и гражд. касс. отд. Ленинградского губсуда; обращенная к председателю суда просьба об опротестовании решения трудсессии и определения касс. отд. губсуда была оставлена по согласованию с прокуратурой без последствий.

Дело это по протесту прокурора по трудовым делам при Верховсуде перешло на рассмотрение ГKK и разрешено 15 марта с. г. в смысле недопустимости поворота исполнения решения по трудовым делам, независимо от того, в каком порядке была произведена выплата добровольно или по судебному решению, в порядке принудительного взыскания¹⁾.

Отстаивая эту именно точку зрения при рассмотрении дела в трудсессии, мы руководствовались следующими основными соображениями:

1) Право требовать поворота исполненного решения, отмененного впоследствии по ходатайству лица, обязанного к выполнению тех или иных действий, зиждется на том общем принципе, что всякий обогатившийся за счет другого без законного или достаточного основания, обязан возвратить неосновательно полученное или взысканное.

2) Начало это известно и древнему праву и современным законодательствам, усвоено и нашим ГК и находит свое отражение, между прочим, в главе II «Обязательства, возникающие из договоров» и в главе XII «Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения».

3) Уничтожение или признание действительности и лишение законной силы акта, повлекшего известные правоотношения между сторонами, должно влечь за собой поворот, т. е. возвращение сторон в то первоначальное положение, в каком они находились до вступления в соглашение, до совершения акта, с истребованием всего того, что было передано по этому акту.

4) Поворот исполненного решения, которое отменено впоследствии судом, разрешается процессуально и рассматривается не в порядке или путем предъявления нового иска об истребовании уплаченного, а тем судом, которому дело передано на новое рассмотрение по существу, при чем постановление о повороте выносится этим судом либо одновременно с решением по существу, либо особым дополнительным определением²⁾.

5) Изложенные положения, относясь всецело и исключительно к общегражданским правоотношениям, не могут быть никак применены к отношениям, возникающим из трудового договора (ст. 3 ГК).

Своеобразие предмета трудового договора—предоставление нанимателю раб. силы, которая, будучи однажды приложена, не может быть отделена вновь от продукта труда, делает невозможным возврат рабочей силы по чисто физическим причинам, а потому и общие правила о возвращении сторон в первоначальное положение не могут иметь применения к трудовым отношениям, как равно не могут быть применены к трудовым отношениям положения, изложенные в ст. ст. 29, 31, 32, 148 и 151 ГК.

7) Равным образом неприменимы правила ст. ст. 399 и сл. ГК к случаям обратного требования или взыскания сумм, уплаченных работодателем трудящемуся в порядке выполнения трудового договора: здесь нет и не может быть места неосновательному обогащению за счет трудового лица (опред. Пленума Верховсуда по д. Абрагама с изд. «Бюллетень Мосфипотдела» от 5 июля 1926 г., см. выше).

8) Правила о повороте исполнения решения по трудовым делам не могут применяться не только в случаях обратного взыскания сумм, добровольно выплаченных нанимателем по трудовому договору, но и в случаях обратного требования выплаченных работодателем сумм, присужденных и взысканных по суду, при условии отмены впоследствии решений, вступившего в законную силу (ст. ст. 19 и 28 КЗоТ).

ГKK Верховсуда в определении 15 марта 1928 г. высказала следующие соображения:

1) согласно раз'яснению Пленума Верховсуда от 5 июля 1926 г. ст. ст. 399 и сл. ГК неприменимы вообще к трудовым делам в смысле обратного взыскания сумм, выплаченных нанимателем рабочим и служащим в силу трудовых отношений;

2) это раз'яснение применимо и к суммам, выплаченным по исполнительным листам («Суд. практ.» 1927 г. № 22, стр. 26);

3) поворот исполненного решения, вынесенного в пользу рабочих и служащих по трудовым искам, недопустим, как ведущий к обратному взысканию на основании ст. 399 и сл. ГК, полученных от работодателя сумм.

Сопоставляя высказанные Верховсудом соображения с приведенными нами тезисами, нельзя не отметить, что основным и решающим моментом в этом вопросе, несомненно, является принцип экономической нецелесообразности и недопустимости поставления трудящегося в такое положение, чтобы полученные им в силу трудового договора суммы и поступившие в его бюджет, подлежали истребованию обратно, хотя бы и с самыми льготными рассрочками, которые предлагались сторонами допустимости поворота исполненного решения по трудовым искам.

Никакого, разумеется, значения не имеет, с этой точки зрения, вопрос о том, как получены трудящимся те или иные суммы с нанимателя в порядке выполнения трудового договора, добровольно или по суду: и в том и другом случае допустимость обратного требования, совершенно непредусмотренная КЗоТом, ставила бы трудящегося в исключительно тяжелое положение и напосила бы такой чувствительный урон его бюджету, что делала бы подчас невозможным его существование.

¹⁾ «Вопр. Труда» № 6, 1928 г., стр. 76.

²⁾ Определение пленума Верховсуда от 12/V 1924 г. цитир. С. В. Александровским и В. Н. Лебедевым, Гр. Пр. Код. изд. 2 стр. 197.

Другое основание, которым руководствовался Верховный суд в этом деле, заключается в признании неприменимости к трудовым делам вообще ст. ст. 399 и сл. ГК о неосновательном обогащении. В этом отношении соображения, изложенные нами в п.п. 6—7 вышеприведенных тезисов, с очевидностью устанавливают, что коль скоро трудящийся в силу трудового договора получил ту или иную сумму, не может быть и речи о незаконном обогащении в смысле ст. 399 и сл. ГК. В самом деле. Если бы даже на одну минуту признать допустимость применения норм ГК к трудовым отношениям, то ст. 401 ГК подтверждает невозможность обратного требования с трудящегося выплаченной ему суммы в порядке выполнения трудового договора, хотя бы и по решению суда впоследствии отмененному. Так, ст. 401 ГК гласит:

«Не вправе требовать возврата уплаченного исполнителями обязательство, хотя бы лишенное искомой силы по не являющейся недействительным в силу закона».

Нетрудно убедиться, что если нанятый уплатил трудящемуся какую-либо сумму по судебному решению, которое впоследствии отменено, т. е. по решению, лишенному впоследствии искомой силы, то даже с точки зрения ст. 401 ГК он не вправе требовать обратно уплаченного, так как здесь не может быть и речи о том, чтобы произведенная им выплата трудящемуся являлась недействительной в силу закона. Можно говорить о том, что решение впоследствии оказалось лишенным искомой силы, но чтобы уплата была недействительной в силу самого закона, об этом говорить не приходится.

Соображения, высказанные Верховным судом в определении 15 марта 1928 г. и в дальнейших определениях 25 мая и 31 июля 1928 г., нашли свое отражение в упомянутом постановлении ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г. о трудовых конфликтах, и совершенно непонятно, о каких противоречиях говорит Д. Владимиров.

Ясно одно, что с опубликованием закона 29 августа 1928 г. вопрос о недопустимости поворота решений по трудовым делам, как общее правило, за исключением изъятий, указанных в этом законе, должен считаться окончательно разрешенным в том именно смысле, как это определил Верховный суд в цитированных определениях.

М. Могилевский.

Ленинград.

Права супругов на имущество, нажитое во время брака.

Настоящий вопрос, несмотря на кажущуюся его простоту, является одним из наиболее сложных вопросов, затронутых Кодексом о браке, семье и опеке, и разрешение его на практике вызывает целый ряд недоумений.

Ст. 10 Кодекса РСФСР (и 24 Код. УССР) устанавливает то положение, что имущество, принадлежавшее супругам до брака, остается раздельным их имуществом; имущество же, нажитое супругами в течение брака, считается не «общей собственностью» а «общим имуществом», что имеет различные юридические последствия. Законодатель, исходя из того обще-

Проект германского закона о внебрачных детях.

Германским министерством юстиции выработан проект нового закона о внебрачных детях и внесен на рассмотрение рейхстага. Проект этот вводит некоторые существенные изменения в действующее законодательство о внебрачных детях.

Как известно, германское гражданское уложение не признает за «внебрачными» детьми прав «законных» детей. § 1705 Герм. гражд. улож., возглавляющий раздел о правовом положении внебрачных детей, гласит: «внебрачный ребенок пользуется в отношении матери и ее родственников правами законного ребенка». Между отцом и внебрачным ребенком никакой родственности не существует. Согласно § 1589 улож. внебрачный ребенок и его отец не считаются родственниками. Он не входит в круг наследников отца и не носит его фамилии, отец же не имеет родительской власти над ним. Обязанности отца ограничиваются уплатой алиментов, которые исчисляются в соответствии с имущественным положением матери (не отца) и подлежат уплате до достижения ребенком 16-летнего возраста (§ 1708), при чем надо помнить, что германский закон не ограничивает обязанности отца содержать своих законных детей определенным сроком; она длится до тех пор, пока дети не в состоянии добывать себе средств к существованию (§ 1602 гр. улож.).

Соглашением сторон, утвержденным опекуном судом, периодические платежи в пользу внебрачных детей могут быть заменены капитализированной суммой (§ 1714). В отношении законных детей такого рода соглашения ни в каком случае не допускаются; они признаются недействительными (§ 1614 гр. улож.). Обязанность содержания внебрачных детей не прекращается со смертью отца и переходит к наследникам (§ 1712). Последние освобождаются от таковой, если уплачивают ребенку единовременную сумму, равную необходимой наследственной доле законного ребенка (необходимая доля составляет половину законной).

Отцом ребенка в смысле § 1708 и след. гр. улож. считается тот, кто сожительствовал с матерью в период зачатия ребенка. Против иска об отцовстве ответчик вправе возражать указанием на то, что мать в период зачатия жила с несколькими мужчинами. Установление этого факта лишает ребенка права на алименты (§ 1717 гр. улож.).

К наиболее существенным изменениям проекта нового закона относится изменение § 1717 гр. улож. Проект вводит понятие недостоверности отцовства. Если по делу установлено, что мать в период зачатия жила с несколькими мужчинами и отцовство ни одного из них не установлено судом, на всех этих лиц возлагается обязанность содержать ребенка до достижения им 16-летнего возраста, при чем должники отвечают за солидарной друг за друга ответственностью. Этой обязанностью содержания ребенка ограничиваются обязательства предполагаемых отцов при недостоверности отцовства.

Права детей, происходящих от лиц, признавших отцовство, или отцовство коих установлено судом, расширены по сравнению с действующим законодательством.

Правда, проект не встал на путь полного уравнивания прав брачных и законных детей; § 1705 оставлен в прежней редакции, попрежнему: «внебрачный ребенок пользуется в отношении матери и ее родственников правами законного ребенка». Но он отменяет положение действующего закона, по которому отец и внебрачный ребенок не считаются родственниками и признает в ограниченных пределах родство внебрачных детей и их отцов, соответственно расширяя права и обязанности последних.

В отличие от действующего закона, отец вправе ходатайствовать перед опекуном судом, разрешающим по проекту все дела об отцовстве, алиментх, усыновлении и проч.—о передаче внебрачному ребенку своей фамилии. Ходатайство удовлетворяется, если имеется налицо согласие матери, самого ребенка или его законного представителя, и жены отца, если последний женат. Опекуном суд может предоставить отцу родительские права, если ребенок в течение продолжительного времени проживает у него или у его близких родственников. По ходатайству отца

го начала, что брак является семейно-трудовой ячейкой, признает, что жена, занимаясь домашним хозяйством и уходом за детьми, создает для мужа благоприятные условия для его работы по приобретению средств, в виду чего, в силу принципа разделения труда, имущество, нажитое на средства, хотя и заработанные фактически одним из супругов, считается общим супружеским имуществом.

Таким образом, «общее имущество» базируется на трудовом начале, в связи с этим доля участия в этом имуществе зависит от количества и качества вложенного в общее хозяйство каждым из супругов труда. Посему доли лиц в общем имуществе устанавливаются лишь при разделе такового, тогда только и может быть произведен учет затраченного каждым из супругов труда. До раздела же нажитое в течение брака имущество считается принадлежащим обоим супругам, как одно единое целое, в отношении этого имущества они осуществляют свои права и несут свои обязанности, независимо от размеров долей их участия в нем. В силу принципа трудового сотрудничества произведенные расходы считаются произведенными сообща, так как, при условии совместной жизни супругов и общем источнике их доходов, выделить особо долги каждого из них и определить долю ответственности за них из общего имущества невозможно, так как неизвестна даже доля каждого из супругов в общем имуществе.

В отличие от «общего имущества» источником возникновения права общей собственности, предусмотренного ст. 61—65 ГК, является не трудовое начало, а договор или сонаследование, при чем при возникновении

общей собственности определяется одновременно и самый размер тех долей, которые принадлежат каждому участнику в общей собственности. Далее при общей собственности раздел должен производиться по принципу затраченного труда, как это должен делать суд в отношении общего имущества супругов, если между ними не будет достигнуто соглашения при разделе его, а в строгом и точном соответствии с установленными долями, принадлежащими участникам общей собственности до раздела. Наконец, за долги одного из сособственников на общую собственность в целом не может быть обращено взыскание, а таковое обращается на принадлежащую ему идеальную долю, которая и продается с публичных торгов. Вот существенные принципиальные различия между «общей собственностью» и «общим имуществом». Попутно надлежит заметить, что в УССР и БССР имущество, нажитое супругами во время брака, рассматривается, как общая собственность и подчиняется действию ст. 61—65 ГК, при чем доли участия супругов в общем имуществе заранее твердо определены в самом законе, а именно—каждому из них принадлежат равные доли, т.е. половина. В силу приведенного положения взаимоотношения супругов определяются ст. 63 ГК; соответственно своим долям супруги обязаны участвовать в уплате всякого рода платежей и сборов и пользуются доходами, приносимыми общим имуществом; на общее имущество супругов может быть обращено взыскание личного долга одного из супругов лишь в пределах его «идеальной половины» в этом имуществе. Взыскание по личному долгу одного из супругов может быть обращено на все имущество,

ему может быть разрешено видаться с ребенком и заботиться о его воспитании. Разногласия между отцом и матерью по вопросам воспитания разрешаются опекуном судом.

Как общее правило, размер алиментов попрежнему определяется по социальному положению матери, но в интересах ребенка суд вправе,—и в этом проект отличается от действующего законодательства,—принять во внимание материальное положение отца, считаясь при этом, однако, с алиментными прочими обязательствами, обременяющими отца. Отец обязан содержать ребенка до достижения им 16-летнего возраста. Этот срок отпадает в двух случаях: если отцу предоставлена родительская власть и если он санкционировал выбор ребенком определенной профессии и последний без вины с его стороны не закончил профессионального образования к 16 годам и вследствие этого не в состоянии добывать себе средств к существованию.

Как и в действующем законе, алиментные обязательства не прекращаются со смертью отца, они переходят к наследникам. Проект несколько ограничивает их право замены периодических платежей единовременной суммой. Это право сохранено только за вдовой и законными детьми. В остальных случаях выдел денежной суммы в размере необходимой доли может иметь место только по требованию самого ребенка. Нечто новое дает § 1712 проекта: Если отец умирает по истечении сроков, установленных для содержания внебрачного ребенка, последний вправе просить (в течение 6 недель со времени смерти отца) о выдаче ему из той части наследства, которая остается, за вычетом долей, причитающихся вдове, законным детям, родителям, сестрам и братьям, денежной суммы в размере не свыше необходимой доли законного ребенка.

Следует отметить и § 1708 проекта. В то время, как гражданское уложение отрицает всякую родственную связь между внебрачным ребенком и родственниками отца и освобождает последних от всяких обязанностей по отношению к нему, проект возлагает на родителей отца прямую обязанность содержать ребенка, если отец и мать ребенка не в состоянии его содержать и если материальное положение

родителей отца таково, что возложение этой обязанности на них соответствует соображениям справедливости.

Таковы изменения, которые вводит проект в действующее законодательство по вопросу о положении внебрачных детей.

Нельзя отрицать того, что проект делает шаг вперед по пути к уравниванию прав законных и внебрачных детей. Он признает в определенных пределах родство внебрачных детей с отцом и возлагает на родителей отца определенные обязательства по отношению к ребенку. Но проект не встал еще на путь коренной ломки действующего закона и не признает за внебрачными детьми всех прав законных детей. Идя по отдельным вопросам даже дальше норвежского самого передового из западно-европейских законодательств (например, по вопросу о солидарной ответственности предполагаемых отцов при недостоверности отцовства), проект в основном вопросе сильно отстает от него и санкционирует положение действующего гражданского уложения, по которому внебрачные дети не пользуются в отношении отца и его родственников правами законных детей. Он весь проникнут стремлением оградить интересы «законной» семьи, «законных» детей отца. Вводимые проектом изменения закона обставляются в интересах законной семьи целым рядом ограничительных условий, которые подчас сводят к нулю самые изменения. Отец может передать ребенку свою фамилию, но с согласия своей законной жены; опекунский суд вправе исчислить размер платежей соответственно имущественному положению отца, однако, он обязан при этом принять во внимание прочие алиментные и иные обязательства отца; очевидно, имеется в виду оградить интересы законной семьи отца. Наследники не вправе заменить периодических платежей единовременной суммой, но для законных детей и вдовы допущено изъятие. Если внебрачный ребенок к моменту смерти отца не получает алиментов, он вправе претендовать на выдачу ему определенной денежной суммы, но только из той части наследства, которая остается за вычетом долей вдовы и законных детей. Опять та же мысль: доли детей и вдовы неприкосновенны.

исключительно в том только случае, когда имущество это было приобретено на средства, добытые одним из супругов путем совершения уголовного преступления (определение ГKK Верховсуда УССР от 19 января 1927 г. по д. № 1978 Донцовой).

Вытекающие из юридической природы «общего имущества» особенности выражаются в следующих положениях: 1) Для распоряжения имуществом, нажитым во время брака, не требуется, как это установлено ст. 62 ГК для общей собственности, общего согласия супругов, а каждым предметом, входящим в состав общего имущества вправе самостоятельно распоряжаться любой из супругов. 2) За долги, сделанные одним из супругов, в случае недостаточности личного раздельного имущества супруга—должника, может быть обращено взыскание на общее имущество в силу того принципа, что в состав всякого имущества входят не только наличные ценности, но и долги (актив и пассив) (опр. ГKK Верховсуда РСФСР по д. № 31386 Поповых—«Суд. пр.» 1927 г. № 12, и по д. № 33964 Филипповых—«Суд. пр.» 1927 г. № 21). 3) Доходы от всякого рода предприятий и строений, приобретенных одним из супругов до брака и составляющих личную собственность последних, включаются в состав общего имущества в силу того обстоятельства, что для извлечения означенных доходов был затрачен труд, в котором непосредственно и косвенно принимали участие оба супруга. 4) Личное имущество одного из супругов, приобретенное до брака, обращается в общее имущество в случае, если оно подверглось при совместной жизни супругов капитальной переработки или требовало хозяйственных забот для его поддержания в течение продолжительного периода времени. 5) Признанию общности имущества, приобретенного одним из супругов во время брака, не препятствует то обстоятельство, что таковое на основании действующих узаконений было закреплено формально приобретателем на свое имя (напр., строение было зарегистрировано на имя мужа); в указанном случае согласно цирк. НКВД и НКЮ № 404/183 («ЕСЮ» № 43—1926 г.) суд привлекает коммунальный орган в качестве третьего лица на сторону формального собственника строения для последующей перерегистрации строения на имя обоих супругов. 6) Всякого рода имущественные приобретения одного из супругов во время брака, в основание которых не был положен личный труд, не входят в состав общего имущества, как например деньги, полученные в наследство или в дар, выигрыш, павший на билет займа, приобретенный одним из супругов до брака. Наоборот, выигрыш, павший на билет, приобретенный во время брака, входит в состав общего имущества на том основании, что, согласно ст. 25 ГК, принадлежность следует судьбе главной вещи. 7) Как общее правило, раздел общего имущества, нажитого во время брака, имеет место лишь при прекращении брака (фактически или разводом), но не исключается возможность такого раздела и при состоянии в браке при условии сохранения общности имущества на будущее со дня раздела время; в совершении подобного раздела нельзя усматривать ущемления прав одной стороны в пользу другой, так как супругам разрешается совершать всякого рода не воспрещенные законом сделки, а следовательно и разделы. Учинение же раздела при дальнейшем пребывании в браке, но с прекращением общности имущества на будущее время недопустимо, так как этим

явно ущемляются права одной стороны (женщины, как слабейшей) в пользу другой. Однако судебная практика допускает возможность заключения между супругами соглашений о раздельном ведении хозяйства и о независимой друг от друга индивидуальной трудовой жизни, с продолжением пребывания в браке и с разделом общего имущества, при чем супруги отказываются в дальнейшем наживать имущество сообща (Опр. ГKK Верховсуда РСФСР по д. № 31368 за 1927 г. «Суд. пр.» № 12—1927 г.).

Кроме того раздел во время пребывания в браке не может быть допущен, когда он производится в целях уклонения от платежа долгов в ущерб интересам государства и кредиторов (Опр. ГKK Верховсуда от 7 января 1928 г. по д. № 35549 «Суд. пр.» № 2 1928 г., опр. ГKK по д. 34166—«Суд. пр.» № 4—1928, опр. ГKK по иску Клавдии Фаренбух—«Суд. пр.» № 23—1927 г.).

Наконец, по вопросу об общем имуществе супругов должны быть отмечены следующие определения ГKK Верховсуда. Так согласно определению ГKK Верховсуда от 12 октября 1926 г. по д. Малышева («Суд. пр.» за 1927 г. № 1), для признания принципа общего имущества суд должен исходить из нормально-хозяйственной трудовой обстановки жизни семьи. Если же кто-либо из супругов своими действиями не столько содействовал накоплению имущества, сколько во вред другого супруга расточал таковое, то суд не может при вычислении размера выделяемого имущества не учитывать этого обстоятельства; кроме того суду надлежит иметь прежде всего в виду интересы остающихся детей. В определении ГKK Верховсуда от 28 марта 1928 г. по д. № 340 по иску Надточиевой к мужу о разделе имущества («Суд. пр.» 1928 г. № 15) указано, что при дележе имущества суд не должен искусственно создавать вторые алименты; посему если имущество такого рода, что оно может быть подвергнуто разделу, как общее имущество супругов, то таковое подлежит разделу, при чем денежная компенсация может быть назначена лишь в случае, указанном в ст. 65 ГК.

Если же имущество по своему производственному значению является источником существования исключительно одного из супругов, оно вообще не может быть подвергнуто разделу между супругами, а следовательно, не может быть назначена и денежная компенсация за него, разве только в том случае, когда имущество относится к капиталистическому предприятию или было приобретено средствами, накопленными обоими супругами. В других же случаях средства производства, напр., кустарную слесарную мастерскую, делить нельзя, так как при подобном разделе ответчик будет фактически выплачивать истцу не стоимость доли в общем имуществе супругов, а часть своего заработка, т. е. двойные алименты.

Приведенные правила можно применять и к имуществу членов крестьянского двора, которое на основании ст. 77 ЗК составляет личную собственность последних; что же касается прав супругов в отношении пользования землей и имуществом общего пользования в составе крестьянского двора, то права эти регулируются ст. ст. 66 и 67 ЗК и изданными в развитие их дополнениями.

Консультант НКЮ АССР Марков.

Право пользоваться садами и огородами.

В 1924 г. на запрос с мест о возможности признания фруктовых садов и виноградников частным имуществом — НКВД РСФСР отвечал так:

«В настоящее время в НКВД разрабатывается проект положения о праве владения и пользования насаждениями, коим подробно регулируются взаимоотношения частных лиц с органами коммунального хозяйства по вопросу о праве пользования садовыми насаждениями» (из отношения НКВД Северо-кавказскому крайисполкому № 2850, 13/III 1924 г.).

Прошло четыре года. Наступил 1928 г. Инструкция о садовых насаждениях и виноградниках все еще в недрах НКВД разрабатывалась.

Наконец, Председатель Верховсуда РСФСР по предложению Пленума Верховсуда 29/V—28 г. обратился в НКВД с указанием на необходимость все же урегулировать вопрос о садовых насаждениях и виноградниках в городах и издать, наконец, по этому поводу давно обещанную инструкцию.

Прошел еще один год и в мае 1929 г. Отд. благоустройства ГУКХ'а составил проект отношения в НКЮ, где буквально сказано следующее: «Имея в виду необходимость согласования мероприятий по переходу к новой политике в отношении городских садов с местами НКВД предполагает рассмотреть вопрос о садовых насаждениях в городах на с'езде заведующих коммунальными работниками, который состоится в сентябре 1929 г.».

Между тем по этому вопросу имеются и директивы партии и директивы правительства и кроме того имеется даже специальное постановление Пленума Верховсуда РСФСР от 7 и 21/V—28 г., где говорится:

«Практика показала, что некоторые собственники домовладений и строений в городах под видом продажи части или отдельных частей домовладения фактически продают земельные участки и... что переход фруктовых садов путем договора из рук в руки не используется зажиточными лицами, путем различных ухищрений, для сосредоточения в своих руках больших участков земли».

В связи с этим 21/V—28 г. Пленум Верховсуда постановил: «Поскольку продажа садов является косвенной продажей земли—признать, что продажа садов недопустима».

Несмотря на это, Отд. благоустройства ГУКХ'а НКВД и до сих пор признает, что садовые насаждения есть частная собственность и что продажа садовых насаждений возможна.

Поскольку НКВД признавалось, что садовые насаждения и виноградники есть частная собственность, от имени НКВД на места давались соответствующие этому разъяснения и тем самым увеличивался частный сектор народного хозяйства. В то же время, оттягивая издание инструкции и не отменяя своих разъяснений, Отд. благоустройства ГУКХ'а и до сего времени не закрывает частнику возможности, продавая сады и виноградники, косвенно продавать землю и тем самым сосредоточивать в своих руках большие участки земли. Таким образом увеличивается частный сектор народного хозяйства.

Учитывая изложенное, нам кажется, что волокита с фруктовыми садами и виноградниками, ведущая

свое начало с 1924 г., должна быть немедленно окончена.

Нужно немедленно на места дать разъяснения о том, что садовые насаждения не могут быть частной собственностью и предметом купли-продажи.

Одновременно работникам Отд. благоустройства ГУКХ НКВД нужно разъяснить, что новой муниципализации садов нам не нужно, так как национализация земли вместе с садовыми насаждениями и виноградниками была проведена еще в 1917 и 18 гг.; изменять действующее законодательство нам тоже не нужно, так как наши законы запрещают продавать землю и садовые насаждения; и увеличивать частный сектор народного хозяйства, путем толкования наших советских законов политически вредно и юридически безграмотно, нам тоже не нужно. Нам нужно найти лишь новые формы для того, чтобы поднять садовое хозяйство на высшую ступень его развития, так как стимул частной собственности, проведенный обходным путем, в этом деле себя не оправдал.

Б. Тихомиров.

Что дал переход на специализацию работы судисполнителей в Москве.

Летом прошлого года силами 160 человек административно-правовых секций районных советов г. Москвы под руководством нарсудей была обследована работа 55 судисполнительских участков гор. Москвы.

Это обследование коснулось работы суд. исполнителей за период с 1 января по 1 апреля 1928 г.

Результаты этого обследования показали, что процент взысканий по исполнительным листам в пользу государственных учреждений из всей присужденной суммы составляет лишь 34%, а в пользу кооперативных организаций—46%, в то время как взыскание в пользу частных лиц достигало до 60%.

Пленум Московского губсуда в октябре 1928 г. по докладу орг.-инстр. отдела об итогах обследования работы суд. исполнителей отметил, что в пользу государственных и кооперативных организаций недоискана сумма в размере несколько сот тысяч руб. в течение такого короткого периода времени, как 3 месяца. Вследствие этого, крупные суммы оказались изъятыми из оборота нашего государственного социалистического сектора, оставаясь фактически на руках частника.

Этот же пленум Мосгубсуда указал, что такое явление имеет место не только потому, что частник всякими способами увиливает от платежа, но также и потому, что наши государственные учреждения, хозяйственные предприятия и кооперативные организации не принимают достаточных мер к выявлению платежеспособности частных контрагентов в момент заключения договоров, а затем при предъявлении исков не принимают никаких мер к предварительному обеспечению исков путем наложения ареста на имущество ответчиков и часто ограничиваются получением акта о несостоятельности для списания взыскиваемых сумм, как безнадежных долгов.

На ряду с этим пленум губсуда отметил, что наш суд. исполнительский аппарат оказался далеко не в достаточной мере приспособленным к действительной

защите интересов государства и к борьбе с ухищрениями частных лиц.

Было признано что взыскание по искам государственных и кооперативных организаций, особенно к частным лицам, извлекающим нетрудовой доход, требует особой настойчивости и знания всех условий их деятельности, что может быть достигнуто путем специализации и систематического изучения всех юридических и хозяйственных отношений специально назначенными лицами из суд. исполнительского аппарата. Для этой цели пленум губсуда утвердил предложение орг.-инстр. отдела о выделении по всем районам г. Москвы некоторых суд. исполнителей для специализации их по взысканиям с частных лиц в пользу государственных и кооперативных организаций, а также для специализации по всем другим видам дел (в виде опыта) в Рогожско-симоновском районе г. Москвы.

Некоторые судисполнители и другие работники суда, возражая против этого предложения, указывали на то, что централизация работы судисполнителей в одной камере отдаляет судисполнителя от населения, но по существу это неверно. Если взять поступление дел к судисполнителям по отдельным видам взысканий, то мы видим, что из всех поступающих дел 50—60% составляют дела по искам государственных, кооперативных и общественных организаций, дела же по искам об алиментах и зарплате составляют лишь 20—24%. Таким образом, для государственного и кооперативного аппарата сосредоточение приема дел в одном месте дает возможность экономить силы и средства и создает лучшие условия для наблюдения за ходом взысканий.

Что касается исполнения решений по делам об алиментах и о зарплате, то специализация по этим делам и концентрация их в одном месте дает действительную возможность обратить необходимое внимание на быстрое и своевременное взыскание по этим делам. Нужно прямо сказать, что при участковой системе судебный исполнитель не имеет возможности своевременно производить взыскания по этому рода делам, поэтому все судебные инстанции от нарсудьи до председателя Верхсуда включительно получают груды жалоб на медленность действий судебных исполнителей и нерегулярность взыскания алиментов.

Другое возражение против этой реорганизации сводилось к тому, что судисполнитель участка лучше знает свою территорию, т. к. она меньше, а при новой системе каждый судисполнитель должен работать по всему району. Это тоже несущественно потому, что по производству взысканий по искам государственных и кооперативных учреждений в каждом районе работает 4—8 судисполнителей, а по производству взысканий по другим группам дел также работают не менее 2—4 чел., и дела ежедневно распределяются по признаку места исполнения их.

На полную специализацию работы судисполнительского аппарата Рогожско-симоновский район перешел 13/XI—28 г., а с 1 января 1929 г., в соответствии с постановлением президиума Мосгубсуда, были переведены на специализацию Сокольнический и Замоскворецкий районы г. Москвы.

В структуре судисполнительского аппарата (вместо существующей участковой системы) произошли следующие изменения:

взыскания по исполнительным листам в этих районах были разбиты на следующие группы:

1-я гр.—иски государственных, кооперативных и общественных организаций и судпошлина;

2-я гр.—иски по алиментам и зарплате;

3-я гр.—частные иски, выселение и взыскание квартплаты.

Вместо приема каждого судисполнителя в Рогожско-симоновском районе была создана должность дежурного приемщика по каждой группе дел, а по остальным двум районам был организован централизованный прием как исполн. листов, так и денег по всем видам дел. Для этой цели в Замоскворецком и Сокольническом районах было выделено по 2 судисполнителя. Наибольшая часть судисполнителей была распределена на отдельные группы взысканий исключительно для оперативной работы.

На приемщиков было возложено также распределение дел между оперативными судисполнителями и проверка дел, возвращаемых ими по окончании, причем в наибольшем из этих районов—Сокольническом—был выделен специальный старший судебный исполнитель камеры, в Замоскворецком районе ст. судисполнителем был один из приемщиков, а по Рогожско-симоновскому району—каждая группа взысканий возглавлялась судисполнителем—приемщиком.

В связи с реорганизацией работы судисполнителей в г. Москве выявился ряд недостатков в работе судисполнителей и была вскрыта нехватка денег. Централизация работы судисполнительского аппарата в одной общей районной камере дала возможность сосредоточить прием и выдачу денег у одного лица. Кроме того по соглашению с Мосгорбанком в 2 самых крупных районах г. Москвы направлено по одному специальному кассиру. Этот кассир банка получает и выдает деньги по расчетам судисполнителя-приемщика.

За 1928 г. и первую четверть 1929 г. судисполнительским аппаратом Московской губ. (по неполным сведениям) было растрачено взысканных сумм 10.000 рублей. Передача банку денежных операций судисполнителей гарантирует аппарат от такого рода растрат.

Поставленная руководящими организациями и пленумом губсуда задача оздоровить личный состав и увеличить рабочую прослойку в судисполнительском аппарате неуклонно выполняется. Так, например, за последние 6 месяцев, с 1/X—28 г. по 1/IV—29 г., было утверждено в качестве судисполнителей 18 рабочих-выдвижков. Этот свежий отряд судисполнителей-рабочих как по количеству, так и по качеству своей работы идет впереди других работников. Между прочим, проведение специализации работы судисполнителей дает возможность новым работникам быстрее приобрести навыки для исполнения решений.

В первое время реорганизации справочный стол камеры судисполнителей недостаточно удовлетворительно справлялся со своей основной задачей—давать быстро точную справку по каждому делу. Это явление объяснялось тем, что содержание существующей регистрационной карточки дела не дает точной картины состояния исполнения решения. В данное время орг.-инстр. отделом, совместно с экономкомиссией губсуда, проработана новая регистрационная карточка, которая заменит даже журнал исполнительных действий и дает возможность без самого дела давать точные справки о состоянии взыскания.

Эта карточка была проверена на опыте в одном из участков Красно-пресненского района и оказалась вполне удовлетворительной.

Обследование работы камер судисполнителей в районах, где была проведена специализация работы по отдельным видам взысканий, при всех отмеченных трудностях и недочетах в работе, показало, что достигнуты следующие положительные результаты:

1. Уплотнился рабочий день судисполнителей и уменьшилось общее количество времени, затрачиваемое исполнительским аппаратом на прием. Например, до реорганизации всеми судисполнителями районов тратилось на прием от 16 до 23 часов в день, а после реорганизации ежедневный прием по времени увеличен в 2 раза, но поскольку он централизован, на этот прием тратится всего лишь 8—10 час. Таким образом, от 7 до 15 часов в день сэкономлено, и это время используется для работы на местах по исполнению решений.

2. Улучшилось качество работы судисполнителей, что частично подтверждается небольшим уменьшением процента дел, оканчиваемых с актами о несостоятельности. Например, в Рогожско-симоновском и Сокольническом районах процент дел, оканчивающихся актами о несостоятельности, после реорганизации уменьшился: по зарплате на 3—4%, по алиментам—на 3—13% и по частным искам—на 4—6%.

В связи с кампанией по усиленному взысканию задолженности государственными и кооперативными организациями, эти учреждения начали пачками направлять судисполнителям листы, срок давности которых почти истекает, направлялись также листы для вторичной проверки имущественного положения ответчика.

3. Уменьшились сроки прохождения дел по государственным и кооперативным взысканиям в Рогожско-симоновском и Сокольническом районах. Так, например, если до реорганизации в 14-дневный срок оканчивалось 63—66% (из всех оканчиваемых дел), то в феврале м-це 1928 г. в этот же срок было окончено 67—77% дел, т. е. количество дел, оканчиваемых в 14 дней, увеличилось до 10%.

4. Упростились условия и метод контроля работы судисполнителей, т. к. при специализации их работы прикрепленные к каждой группе дел судьи могут более тщательно и более регулярно проверять работу судисполнителей.

Президиум губсуда, по докладу орг.-инстр. отдела об итогах перехода на специализацию работы судисполнительского аппарата в 3-х районах г. Москвы, решил провести с 1/IV—с. г. эту реорганизацию работы судисполнителей во всех остальных районах г. Москвы.

Инструктор Мосгубсуда *Р. Голин.*

Практические шаги борьбы с бюрократизмом и волокитой.

Необходимость решительной борьбы со всякого рода проявлениями бюрократизма и волокиты очевидна и едва ли сейчас найдется кто-либо, кто осмелится открыто выступить против этой борьбы. Однако, когда вопрос от общих разговоров переходит к борьбе, например, с волокитой в каком-либо учреждении или с определенным лицом, то, как общее правило, руководители этих учреждений и, ниже с ними, подчи-

ненные их, «единым фронтом» вперегонку стараются доказать беспочвенность обвинения их в волоките «дескать волокиты везде много—только не у нас».

Возьмем к примеру любую переписку по волокитным случаям и везде встретишь в них при отыскании «конкретного носителя зла»—один спасающий трафаретный ответ—это ссылаясь на объективные условия, причины и т. д. Вот это смазывание со стороны некоторых руководителей учреждений конкретной борьбы с волокитой, с одной стороны, и с другой—отсутствие в подлежащих случаях,—выражаясь словами тов. Ленина,—«хороших экспертов» для разбора волокитных дел, чрезвычайно, в числе прочих других причин, затрудняют решительную борьбу с конкретными волокитчиками и бюрократами. Поэтому вполне правильно и своевременно решение XVI партконференции о введении персональной ответственности каждого служащего за порученную работу. Это мероприятие безусловно продвинет вперед успешное разрешение вопроса борьбы с волокитой и бюрократизмом.

Любопытен и поучителен в этом отношении опыт борьбы с волокитой в Новгородской окружной прокуратуре.

В течение почти года окружной прокуратурой на основании поступающих в прокуратуру жалоб о волоките при разрешении дел изучались учреждения, в которых чаще всего допускалась волокита, и характер этой волокиты. Обобщенные материалы два раза обсуждались на расширенных совещаниях по борьбе с преступностью и в конце-концов было установлено, что наиболее неблагоприятными учреждениями являются—окрфо, окрстрахкасса и окрсебес. Примерно 50% из всех поступивших жалоб падало на эти почтенные учреждения (аналогичные выводы получились и по линии РКИ).

Сюда входили жалобы на медленное разрешение поступающих ходатайств и заявлений, невнимательное к ним отношение и т. д.

Наряду с этим процветала и общая болезнь всех учреждений—это система напоминаний. Редкое учреждение можно было встретить, которое давало бы сразу ответы на поступающие из прокуратуры запросы. В среднем ни одно из учреждений не обходилось без 1—2 напоминаний, при чем даже по пустяковым вопросам, не требующим специального расследования, запросов мест и т. д. Также характерно отметить одну «пустяковую мелочь», вносившую медленность в разрешении вопросов. Почти все окружные учреждения помещаются в одном месте и отделены друг от друга одной только стеной. Между тем учреждения эти сносятся между собой только через посредство бумажек—иногда дело доходило до курьеров. Напр., одно окружное учреждение просит другое сообщить о лесоматериалах. Подписано отношение 30/III. Ответ требуется ко 2/IV, а послано это отношение только 3/IV. Все учреждения имеют телефоны, но к нему прибегают с какой угодно целью, но только не с целью ускорения повседневной работы.

Когда все эти недостатки прокуратурой были вскрыты и через посредство окружной газеты были переданы гласности и было предпринято «шельмование» этих учреждений, то руководители этих учреждений «взбелнились», начали кричать, бомбардировать прокуратуру требованиями, запросами, почему, на основании чего и т. д.

Продолжалось это недолго. Во всех этих учреждениях на широких собраниях служащих были проведены по требованию учреждений доклады прокуратуры. Результаты докладов были следующие.

После докладов окр. учреждения начали вступать друг с другом в социалистические соревнования. Объектами соревнований были взяты: сокращение сроков прохождения заявлений, упрощение аппарата, улучшение приема посетителей и т. д.

Не менее положительные результаты получились от применения репрессий.

С того момента, как прокуратура начала по каждому отдельному случаю яркой волокиты привлекать виновных к ответственности—немедленно сказались результаты: сократились сроки прохождения бумаг, разрешения жалоб и дел и т. д.

Репрессии за год увеличились почти на 100%. Привожу один яркий возмутительный случай бюрократизма, происшедший по вине одного из чиновников окрфинотдела. С крестьянина Крутова взыскивались судебные издержки в сумме 17 рублей. Сотрудник окрфо перепутал адрес действительного ответчика и послал извещение Крутову—однофамильцу в другой район. Последний, ни с кем и никогда не судившийся, по получении извещения сообщил в окрфо—не ошибка ли здесь.

Однако, злополучный сотрудник окрфо на это заявление ответил бюрократической резолюцией «вопрос о судимости дело суда, взыскать в беспорядном порядке». Машина заработала—местные власти начали усердно выполнять предписания окрфо. Крутов же, не получая на месте защиты, бросает в летний разгар полевые работы и за 70 верст едет в «великоволокитный» Новгород, потратил на дорогу 35 руб. В Новгороде все выясняется. Оказывается мало того, что фамилию перепутали, но деньги и с настоящего Крутова давно уже взысканы. Когда прокуратура занялась этой историей, аппаратчики из окрфо и слушать не хотели о своей виновности. Прокуратура в противовес этому не только привлекла виновного чиновника к ответственности, но и ввинула в порядке 2 ст. ГПК гражданский иск на сумму 35 рублей. Суд с иском согласился, но дело не в том. Весь вопрос в том впечатлении, какое произвело данное дело на присутствующих в зале суда крестьян. Весь вопрос в том впечатлении, какое это произвело и на крестьян той деревни, где жил Крутов.

Какие же результаты дали мероприятия прокуратуры?

1. Значительно сократился процент рассмотрения крестьянских жалоб.

2. Запросы прокуратуры перестали сопровождаться бесчисленными напоминаниями.

3. Ряд учреждений зашевелился и начали подумывать об упрощении и улучшении работы в своих канцеляриях.

4. При посредстве печати и проведенных докладов прокуратурой—крестьянство постепенно стало отходить от унаследованного взгляда: «с сильным не борись—с богатым не тянись».

5. Поднялся авторитет прокуратуры, как организация, идущей в одной шеренге с передовой общественностью на борьбу с бюрократизмом и волокитой.

Попов Л.

Что надо сделать для успешной борьбы с калымом.

Т. Померанцев, в статье о борьбе с калымом («ЕСЮ» № 3—29 г.), толкуя ст. 196 УК, утверждает, что состав преступления по ст. 196 УК будет там, где выкуп устанавливает обязанность невесты выйти замуж против своего желания, и предлагает указать этот признак в тексте закона. Тов. Нухрат считает, что основным признаком калыма является, во-первых, то, что он обуславливает заключение брака и, во-вторых, то, что калым является средством принуждения женщины к выходу замуж, при чем, тов. Нухрат утверждает даже, что этими двумя признаками нужно руководствоваться при выявлении калыма и применении ст. 196, гл. X УК, а другое толкование ст. 196 якобы не отвечает требованиям жизни.

С выводами авторов этих статей согласиться ни в коем случае нельзя, и принятие этих положений грозит свести на-нет все возможности борьбы с таким большим бытовым злом, как калым.

С товарищами можно было бы (и то с оговорками) согласиться только в одном случае, если бы калым приносил бы только тот вред, что он приводил бы к насильственному замужеству. Но ведь это не так. Тов. Нухрат в своей статье сам же указывает, что калым—один из пережитков, с которым нужно вести беспощадную борьбу, что калым разоряет крестьянское хозяйство, является средством эксплуатации бедноты байством и спекуляцией женщиной, торговлей живым товаром, что калым ставит женщину после замужества в условия жесточайшей эксплуатации, ведет к разбоям и конокрадству. Своим же выводом тов. Нухрат делает борьбу с калымом невозможной.

Если и сейчас борьба с калымом затруднена потому, что прием и уплата калыма весьма искусно скрываются, и что от натуральной формы—скотом и имуществом—калым теперь перешел исключительно в денежную форму, то если для применения ст. 196 УК нужно будет обязательно устанавливать другой момент—насильственное замужество—это статья фактического применения иметь не будет. Ведь установить насильственность брака можно только путем опроса заинтересованной стороны, в данном случае женщины. Мне, работнику Казахстана, более чем кому-либо известен быт женщины нашего Востока, а также ее чрезвычайно низкий культурный уровень, забитость и запуганность. Установить следственным путем, что женщина насильственно выдается замуж путем опроса женщины никогда почти не удастся. Несмотря на наличие даже свидетельских показаний, сама женщина, вследствие своей неразвитости и крайней забитости, всегда почти утверждает, что брак совершен с ее согласия. Случаи же заявлений самими женщинами, что их насильственно выдают замуж, крайне редки, и большею частью женщины эти впоследствии от этих жалоб отказываются, и дела, ранее возбужденные, прекращаются.

Таким образом, предложение тов. Померанцева и Нухрата о дополнении ст. 196 внесением в нее указанного дополнения надо решительно отвергнуть.

Для облегчения судебно-следственной работы с калымом надо, по моему мнению, внести в УК примечание, аналогичное примечанию к ст. 118 УК: не калымом считается дача калыма в том случае, если своевременно

ным заявлением давший калым будет способствовать обнаружению преступления. Хотя низовые работники Казакстана в массе считают, что нужно освободить от уголовной ответственности лиц, дающих калым, привлекая к ответственности лишь берущих калым, в целях облегчения возможности выявления случаев уплаты калыма, это мнение разделить нельзя, так как это дало бы как раз обратный эффект—способствовало развитию калыма, уничтожив жесткие преграды, установленные законом.

Следователь по В/Д при прокуратуре Каз. АССР

Розенбаум.

Г. Кызыл-Орда.

Ответственность за дачу калыма.

Статьей 196 УК, предусматривающей уплату выкупа за невесту (калым), караются в одинаковой мере лица, как давшие, так и получившие выкуп за невесту (калым), при чем принявшие выкуп, кроме того, уплачивают штраф в размере выкупа. Привлечение к ответственности лиц, получивших выкуп, является безусловно правильным. Но нельзя, однако, согласиться с тем, чтобы к ответственности привлекались и лица, давшие выкуп и чтобы они несли такую же ответственность, как и лица, получившие последний. Такое положение вещей на практике приводит к тому, что калым принимает все более скрытые формы и выявление его для органов расследования является чрезвычайно затруднительным. Обе стороны, независимо от того, довольны они сделкой или нет, вынуждены молчать.

Несмотря на то, что в условиях Адыгейской обл. калым сохранился среди населения больше, чем какой-либо другой обычай, преследуемый уголовным законом, в 1928 г. возникло всего лишь 2 дела о калыме, тогда как значительно изжившее себя двоеженство преследовалось в 12 случаях. Если посмотреть, что происходит в других национальных областях, то картина получится не лучше: в Осетии, Чечне, Кабарде, Черкессии, по данным прокуратуры (Северо-Кавказского края) этот вид преступлений совершенно отсутствует, хотя едва ли кто-нибудь скажет, что там дача калыма не имеет места. До сего времени дела о калыме в Адыгейской области возникали на основании газетных заметок или сообщений отдельных аульских общественников — комсомольцев

или женщин делегатов. Однако, их сообщений было не всегда достаточно для раскрытия преступлений. Так, например, газетная заметка от 6 декабря 1928 г. сообщала, что гр-н аула Ново-Бжегокай, женившись на гр-ке того же аула, заплатил за нее калым 140 руб. и через несколько месяцев обещал дать еще лошадь. Произведенным расследованием факты дачи и получения калыма не были установлены, т. к. опрошенные стороны не признали себя в этом виновными. Можно было бы привести и другие аналогичные случаи. Таким образом, стоя на точке зрения двухсторонней ответственности, закон мешает борьбе с калымом. Больше того, тот взгляд, что по делам о калыме виновны обе стороны и что в этом преступлении нет потерпевшего—не верен. В основе обычая дачи калыма, с точки зрения материалистического понимания религиозно-правовых надстроек, лежит, несомненно, закон торгашей, зажиточной части населения, прежде всего, желающей ограничить не только свободу выбора невесты для тех, кто не имеет денег для уплаты выкупа, но и вообще ставить им препятствие к женитьбе. Этот же принцип, между прочим, лежит в основе и многоженства—«покупать больше жен может тот, кто имеет больше денег». Вот почему бедняки, не имея возможности заплатить калым, вынуждены десятки лет копить средства для того, чтобы жениться. Подходя с этой точки зрения к вопросу, надо прямо сказать, что в даче калыма есть потерпевший—это лицо, давшее калым, т. к. оно вынуждено давать его и, в случае недачи, может не получить невесты. Из этого следует, что лицо, давшее калым, должно быть освобождено от преследования по закону вообще или в крайнем случае тогда, когда оно заявляет властям о даче выкупа, которого у него потребовали под угрозой отказа в невесте. Если подойти к данному вопросу с точки зрения раскрепощения женщины (ее свободы выбора жениха), то и в этом случае освобождение от ответственности лица, давшего калым (надо иметь в виду, что препятствует свободному выходу замуж в том или ином случае сторона, получающая выкуп) будет содействовать ее раскрепощению. Таким образом, по нашему мнению, только освобождение от ответственности лица, давшего калым, может содействовать раскрытию этого рода преступлений и в дальнейшем их совершенному изжитию.

Прокурор Адыгобласти *Смирнов.*

Страница практика.

Отклики на „Страницу практики“.

Товарищ Проходящев выдвинул предложение расширить случаи взаимной ответственности в УК («ЕСЮ» № 2). Отмечая, что в настоящее время (даже в представлении обывателя) и получение и дача взятки расцениваются одинаково, он предлагает применять принцип взаимной ответственности и к делам по обвинению в самогоповарении, шинкарстве, ростовщичестве, сродничестве, производстве абортот и заражении венерическими болезнями. В части, касающейся взаимного преследования по делам о шинкарстве, к нему присоединяется и тов. Мурашов («ЕСЮ» № 14).

В этих предложениях надо разобраться по порядку. Целесообразно ли преследовать лиц, пользующихся услугами шинкарей? Конечно, нет. Если бы установить такую ответственность, на практике пришлось бы столкнуться с огромным количеством

уголовных дел о лицах, в подавляющем большинстве случаев не представляющих никакой социальной опасности. Пьянство—наше бытовое зло. Искоренить его можно лишь упорной работой по поднятию культурного уровня широких масс. Пользоваться уголовными репрессиями в отношении лиц, покупающих вино у шинкарей, противоречило бы общей установке нашей карательной политики, заключающейся в том, чтобы не возбуждать уголовного преследования без достаточно серьезных оснований и привлекать к уголовной ответственности лишь за совершение действий, представляющих действительную социальную опасность. Вопрос о борьбе с шинкарством был недавно вновь предметом рассмотрения правительственных органов, которые, дав твердую директиву усилить в максимальной степени борьбу с шинкарством и шинкарями, не признали, однако, возможным привлекать к уголовной ответственности лиц, пользующихся услугами

шинкарей (пост. СНК РСФСР от 8 апр. 1929 г.—«Изв. ВЦИК» № 82).

Еще более вызывает возражение другое предложение тов. Прохорощева, преследовать обе стороны при совершении аборта. Прежде всего, тов. П. забывает, что наш закон не запрещает совершения аборта. Преследуется лишь совершение его лицами, не имеющими надлежащей медицинской подготовки или совершение его в противосанитарной обстановке. Это сделано в интересах охраны здоровья женщины. Если же последняя по тем или иным причинам, рискуя своим здоровьем, а нередко и жизнью, идет на то, чтобы ей был сделан аборт без указанных предосторожностей, то применять к ней за это меру судебной репрессии совершенно недопустимо. От дачи взятки страдает государство, от плохо сделанного аборта—женщина, которой этот аборт сделан. Надо ли добавлять, что таких дел, где «зажиточные женщины уговаривают за хорошее вознаграждение сделать им аборт крестьянку, беднячку, многодетную акушерку» на практике не бывает. В большинстве случаев, вопреки мнению т. П., как раз наоборот, вполне обеспеченные «акушерки» пользуются тяжелым положением беднячек, работниц и крестьянок, вымогая у них за производство аборта все, что только те могут дать. Едва ли нужно доказывать, что установление уголовной ответственности для лиц, берущих взаймы у ростовщиков, ударит, конечно, не по тем «напманам», которые, по утверждению тов. П., не желая платить высоких процентов, возбуждают дела о ростовщичестве, а опять-таки по широким кругам бедняцкого населения, вынужденного в тяжелую минуту прибегать к услугам ростовщика. Введение указанного закона целесообразно и потому, что оно забропировало бы ростовщиков в очень многих случаях от опасности, что их клиенты заявят суду о их ростовщической деятельности. Если еще заслуживает некоторого внимания предложение тов. П. о взаимном преследовании при сводничестве (эту мысль, к сожалению, тов. П. не развил в своей статье), то последнее его предложение об уголовном преследовании лиц, заразившихся венерической болезнью, вызывает полное недоумение. Думается, что сам по себе факт заражения такой болезнью является достаточно тяжелым испытанием для заразившегося, чтобы последнего надо было еще сажать на скамью подсудимых.

Работник нарсуда тов. Львов предлагает квалифицировать кражу в трамваях не по п. «а» ст. 162 УК, а по п. «в» этой статьи. «Какая разница, пьет он, между кражей в вагоне поезда и трамвая? Потерпевший... остается в таком же дурацком положении, как и потерпевший после кражи в вагоне поезда». С этим согласиться нельзя. Прежде всего, потерпевший от кражи при любых условиях одинаково останется «в дурацком положении». Но самое главное заключается в том, что законодатель вполне сознательно выделил ряд мест общественного пользования, кража в которых должна преследоваться особенно строго. Не так давно вопрос о расширительном применении п. «в» ст. 162 УК рассматривался на пленуме Нижне-волжского суда, в связи с тем, что пленум Хоперского окрсуда признал возможным применить п. «в» ст. 162 к случаю кражи в магазине. Пленум Н.-В. суда постановил: «Принимая во внимание, что в п. «в» ст. 162 УК исчерпывающе перечислены все те места, где совершение простых краж приравнивается к кражам квалифицированным, что кражи в магазинах, хотя бы и при скоплении в них публики, в перечень, помещенный в п. «в» ст. 162, не вошли, что выделение простых краж, совершенных на вокзалах, пристанях, парходах, в вагонах и гостиницах в разряд квалифицированных вызвано намерением законодателя более тщательно оградить интересы лиц, находящихся в пути и лишенных возможности должным образом охранять свое имущество, что если согласиться с мнением пленума окрсуда, то по п. «в» ст. 62 пришлось бы квалифицировать кражи, совершенные во всех местах скопления публики, как-то: театрах, кино, базарах, магазинах и т. п., что совершенно не соответствовало бы содержанию и смыслу п. «в» ст. 162, определение пленума окрсуда отменить».

Тов. Нечаев («ЕСЮ» № 1) возбуждает вопрос об административной ответственности несовершеннолетних, указывая при этом, что в действующем законодательстве нет ответа на вопрос, какие органы и в каком порядке могут налагать административные взыскания на несовершеннолетних. Это утверждение не совсем верно. Правила ст. 12 УК и ст. 38 УПК, по которым уголовное преследование может возбуждаться лишь в отношении несовершеннолетних, достигших 14 лет, при чем в отношении несовершеннолетних от 14 до 15 лет дело, по общему правилу, подлежит рассмотрению в комонес и передается в суд лишь в том случае, когда последняя признает, что имеющиеся в ее распоряжении медико-педагогические меры в данном случае неприменимы, распространяется на те правонарушения несовершеннолетних, которые преследуются в административном порядке. Ст. 9 положения о местных комонес («С. У.» 1926 г. № 19, ст. 148) устанавливает, что «если комиссия на основании данных обследования и всех обстоятельств дела признает, что по отношению к несовершеннолетнему правонарушителю, достигшему 14-летнего возраста, меры, которыми она располагает, недостаточны, она передает дело в суд или административному органу по принадлежности».

Таким образом, во всех случаях, когда несовершеннолетний совершит действие, преследуемое в административном порядке, дело направляется в комонес, которая или принимает необходимые медико-педагогические меры, или передает дело административному органу для разрешения на общих основаниях, при чем, как разъяснил Верховный суд (прот. от 6 июля 1925 г. № 11) правила ст. 50 УК о понижении репрессий сравнительно с применяемой к взрослым в этих случаях могут не применяться.

Гражданский же иск к несовершеннолетнему, достигшему 14 лет, поскольку последний за причиненный им кому-либо ущерб отвечает лично (ст. 9 ГК), может быть предъявлен в общесудебном порядке. Нет оснований для изъятий из этого правила и для лесопорубочных дел. Ни закон, ни специальная инструкция НКЗ и НКЮ этого не предусматривают. Возмещение же нанесенного лесопорубкой ущерба, согласно примечанию к § 5 этой инструкции («Бюлл. НКЗ» № 25) в тех случаях, когда за лесонарушение нельзя наложить административного взыскания, производится путем предъявления иска в общесудебном порядке. Поскольку комонес может передавать на разрешение административных органов лишь дела о несовершеннолетних, достигших 14 лет, наложение административных взысканий на детей до 14 лет вообще недопустимо и вопрос о них во всех случаях должна решать комонес. Гражданский же иск в этих случаях может быть предъявлен в общесудебном порядке, но уже не к несовершеннолетнему, а к его родителям или вообще к лицам, на которых возложен надзор за этими несовершеннолетними (ст. 405 ГК).

Тот же тов. Нечаев («ЕСЮ» № 3) указывает на имеющиеся будто бы противоречия между положением об издании местными исполкомами и горсоветами обязательных постановлений и положением об издании обяз. постановлений ВИК'ами, так как первое предоставляет волисполкомам право налагать административные взыскания за нарушение обяз. постановлений ГИК'ов и УИК'ов в течение месячного срока со дня совершения этого нарушения (ст. 29), второе же предоставляет право налагать взыскания лишь в течение двух недель со дня совершения правонарушения (ст. 24). Никакого противоречия здесь не имеется. Первое из указанных положений предусматривает срок, в течение которого могут налагаться ВИК'ами административные взыскания за нарушение обяз. постановлений, издаваемых вышестоящими в отношении ВИК'а органами, т.е. обяз. постановлений, имеющих большую важность и преследующих наиболее серьезные нарушения; второе же положение касается наложения взысканий за нарушение обяз. постановлений, издаваемых самими ВИК'ами, т.е. за нарушения менее важные. вполне понятно, что давность в первом случае должна быть более продолжительной, чем во втором. Устанавливает же ст. 14 УК различную давность для различ-

ных преступлений, хотя дела по этим преступлениям рассматриваются одним и тем же органом—судом. В виду этого воллсполкомы по нарушениям обязательных постановлений, изданных вышестоящими исполкомами, могут паллагать взыскания в течение месячного срока, по нарушениям изданных ими самими обяз. постановлений—в течение двухнедельного срока.

Тов. Паршенков ставит вопрос «нельзя ли упростить надзорный порядок по гражданским делам («ЕСЮ» № 12), он полагает, что действующее правило, по которому надзорной инстанцией для решенных наредом гражданских дел является лишь пленум губернского (окружного) суда, создает большую задержку в разрешении этих дел. По его мнению, надо предоставить право прокурору и председателю суда вносить дела в порядке надзора в кассационное отделение, как это установлено УПК в отношении уголовных дел. С предложением этим согласиться нельзя. РКИ, произведя большую работу по обследованию средних и высших звеньев аппарата органов юстиции, признала необходимым сократить число надзорных инстанций для гражданских дел до одной, централизовав надзор в Верховном суде,—для уголовных же установить возможность надзорного рассмотрения также в краевом (областном) суде. Жалобы в порядке надзора должны приниматься и надзорные протесты вноситься только местной и центральной прокуратурой и председателем Верховного суда. В соответствии с этим в проекте нового УПК, разработанного НКЮ, одобренного VI Съездом работников юстиции и внесенного в настоящее время на утверждение законодательных органов, право рассмотрения дел в порядке надзора предоставлено лишь Верховному и крайним (областным) судам (ст. 161), при чем за председателями окружных, губернских и краевых судов сохранено право опротестовывать в порядке надзора дела подведомственных судов, по которым при ревизионном обследовании обнаружены существенные нарушения. Право это ограничено 6-месячным сроком (ст. 164)¹.

По проекту же изменений ГПК в связи с предложениями РКИ, также разработанному НКЮ, единой надзорной инстанцией для гражданских дел является Верховный суд. В связи с этим предложение о предоставлении надзорных функций по гражданским делам кассационным отделениям губсудов (окреудов) отпадает.

Тов. Дудолов («ЕСЮ» № 11) обратил внимание читателей «ЕСЮ» на две неясности в утвержденных ЦИК и СНК СССР правилах о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов («С. З.» 1928 г. № 56, ст. 495), которые могут привести на практике и к нежелательным последствиям и, в частности, даже содействовать волоките, с которой так решительно борются эти правила. Прежде всего он указал, что органы прокуратуры в порядке общего надзора могут опротестовывать постановления органов труда по отдельным решениям органов примирительно-конфликтного разбирательства в вышестоящий орган труда без ограничения срока. Хотя закон (ст. 45 правил) и допускает такое опротестование лишь в случаях явной незаконности постановления или, когда, по мнению прокуратуры, существенно нарушены интересы государства или трудящихся, т. Д. полагает, что правила дают возможность «любителям» приносить жалобы и местному прокурору и Пом. Прокурору Республики по трудовым делам и, наконец, Прокурору Республики. В виду этого, он находит целесообразным ограничить указанные права прокуратуры месячным сроком. Соображения эти заслуживают внимания, но решение, предлагаемое тов. Д., не может быть принято. Опротестование постановлений органов труда есть порядок исключительный. Прокуратура должна к нему прибегать лишь в особо важных случаях. Но вместе с тем, если на практике встретится такой случай, было бы недопустимо, в ущерб интересам государства и трудящихся, ставить прокуратуре формальное препятствие в виде месячного срока. Прокуратура Республики решила этот вопрос иначе (цирк. № 50, «ЕСЮ» № 17)—жалобы в порядке надзора можно подавать лишь в

местную прокуратуру, где дело и заканчивается. Все направляемые по этим вопросам жалобы в Центральную Прокуратуру не будут приниматься последней. Исключение допущено лишь для жалоб, подаваемых местными профсоюзными организациями или вышестоящими (по отношению к стороне в деле), государственными или общественными учреждениями и притом, если серьезно нарушены интересы целых групп трудящихся или государства. Это правило устранит ту волокиту, которой справедливо опасался тов. Д. Вторая неясность правил, на которую он указывал в своей статье, заключается в следующем: ст. 57 правил устанавливает, что решения губернских, окружных и соответствующих им судов, а равно и вторичные решения трудовых сессий, вынесенные в соответствии с указаниями кассационной инстанции, никакому обжалованию, опротестованию и пересмотру ни в каких случаях не подлежат. Кто и как решает вопрос о том, вынесено ли вторичное решение в трудовой сессии в соответствии с указаниями кассационной инстанции, правила не указывают. Эта неясность, однако, разрешается постановлением ЦИК и СНК о дополнении ГПК в связи с введением этих правил. («С. У.» 1929 г. № 26, ст. 273). «Вопрос о соответствии или несоответствии вторичного решения особой сессии нареду по трудовым делам, указанным кассационной инстанцией, решается последней в судебном заседании по жалобе заинтересованной стороны или по протесту прокурора»—устанавливает повал—248-а ст. ГПК.

С. А.

Москва.

Семейно-имущественные разделы.

В практике наредов по делам о семейно-имущественных разделах широко применяется инструкция НКЗ и НКЮ от 30/III—27 г.

В частности суды часто руководствуются пунктом 8 названной инструкции, который говорит, что по требованию престарелых, инвалидов и т. д. ни раздела двора, ни распределения имущества не производится, а таким нетрудоспособным лицам предоставляется обособленное жилье, продукты и денежные выдачи в размере, необходимом для прожития. По существу это не что иное, как взыскание алиментов для нетрудоспособного. Суды зачастую поэтому и выносят решение «взыскать такую-то сумму денег ежемесячно пожизненно». В особенности часто такое разрешение дела имеет место в хозяйствах маломощных, не обеспеченных достаточным количеством инвентаря, построек и т. д.

Понятно, что законодатель, издавая такой закон, не имел в виду разорять и без того слабые хозяйства и что закон признал выдел им имущества нецелесообразным потому, что нетрудоспособные вести хозяйство не могут.

Указанное разрешение вопроса может быть признано более или менее правильным в отношении трудоспособных родственников, на которых по код. зак. о браке и семье возлагается обязанность доставлять пожизненное содержание нуждающимся и нетрудоспособным родственникам. Что касается, нетрудоспособного супруга, то ст. 15 код. зак. о браке определенно говорит, что взыскание средств на содержание нетрудоспособного супруга может иметь место только в течение 1 года. Это обстоятельство, однако, не оговорено в инструкции от 30/III—27 г. и потому суды выносят иногда такие решения и в отношении нетрудоспособных супругов. У меня имеется дело нареду Петропавловского р., Череповецкого окр., по которому суд присудил в пользу нетрудоспособной супруги 10 р. в месяц пожизненно. Суд руководствовался пунктом 8 инструкции от 30/III—27 г. Когда дело дошло до приведения решения в исполнение, несчастный муж согласился опять сойтись с большой женщиной.

Хотя по решению суда взыскание средств на содержание нетрудоспособной супруги присуждено не с одного супруга, а со всего двора, но нельзя же предстать себе, что весь двор обязан будет кормить пожизненно нетрудоспособную, а трудоспособный супруг будет освобожден от взыскания по истечении одного го-

¹ Постановлением коллегии НКЮ от 16 мая указанный порядок введен в жизнь до утверждения УПК законодательными органами.

да после расторжения брака. Таким образом, пункт 8 инструкции от 30/III—27 г. дает судам возможность выносить решения, явно противоречащие ст. 15 Код. законов о браке и семье.

Отсюда вытекает, что п. 8 названной инструкции необходимо оставить без изменения в отношении кровных родственников. В отношении же вошедших во двор по браку или приимачеству пункт этот нужно изменить в том смысле, чтобы суды могли выделить им соответствующую часть имущества или определенную сумму денег, сообразуясь с количеством вложенного им в данное хозяйство труда. Такой выдел имущества и обеспечение со стороны трудоспособного супруга в течение года, если доля эта будет незначительной, не оставит обездоленными и нетрудоспособных супругов. Большой супруг с получением соответствующей доли может поселиться в семье своих кровных родственников, которые к тому же, по Код. зак. о браке и семье, обязаны доставлять ему содержание пожизненно.

Прокурор по Кирилловскому уезд. Череповецкого окр.
Алексеев.

Освободить нарсудей в сельских местностях от выполнения нотариальных действий в ограниченном объеме.

Не следует ли освободить в сельских местностях нарсудей Сибири от совершения нотариальных действий в ограниченном объеме? Такой вопрос как бы сам собою возникает при рассмотрении в отдельности каждого из этих нотариальных действий.

Прежде всего о некоторых из них можно заранее сказать, что они или совсем не встретятся в практике этих нарсудей или если и встретятся, то лишь в виде исключения. Много ли будет морских протестов у нарсудей в сельской местности или исполнительных надписей на диспансе? Будут ли они производить депозитные операции? Много ли будет там же случаев обращения за исполнительными надписями на счетах за квартирную плату? Вряд ли нужно даже отвечать на эти вопросы.

Крайне нежизненными являются и те нотариальные действия, которые должны выполнять эти же нарсудьи при условии, если обращающийся и другая сторона не имеют постоянного пребывания в пределах их судебных участков. В самом деле, в каких случаях векселедержатель обратится в сельской местности к нарсудье за протестом векселя, если ни он, ни векселедатель не проживают в пределах участка этого судьи (имеется в виду судья, камера которого находится в одном поселении с вол(рай)-исполкомом), или при стечении каких исключительных обстоятельств может поступить к сельскому нарсудье просьба о передаче заявления от такого учреждения или лица, когда ни они, ни те, кому предназначается заявление, не имеют постоянного пребывания в пределах участка этого судьи? Между тем, именно эти нотариальные действия и ряд других, но при том же условии сохранились за означенными нарсудьями (ст. 3 Пол. о госнотариате, ст. ст. 1 и 2 пост. ВЦИК от 26 сент. 1927 г. и § 3 инструкции НКЮ № 2 по сельскому нотариату). Нет никаких также оснований для оставления в сельской местности за теми же нарсудьями и притом исключительно только за ними остальных нотариальных действий. Какие, например, имеются основания к тому, чтобы в сельской местности только нарсудьи учиняли исполнительные надписи на соглашениях о размере содержания детям и супругам при разводе, на документах, выданных кассам взаимопомощи их членами, на просроченных обязательствах по селькредиту, выданных просто кредитным учреждениям, тогда как исполнительные надписи на таких же обязательствах, но выданных кредитно-кооперативным организациям передаются вол(рай)исполкомам? Ведь эти нотариальные действия и другие указанные в литерях «к», «л», «м» и «п» части 1 ст. 47 Пол. о госнотариате, не сложнее тех, которые уже выполняются вол(рай)-исполкомами, например, удостоверение сделок и доверенностей, или протест

векселей. Против сохранения за нарсудьями нотариальных функций в ограниченном объеме имеются следующие соображения:

При таком положении, когда в одной и той же местности одновременно действуют не только вол(рай)-исполкомы и сельсоветы, как основные сельские нотариальные органы, но кроме того дополнительно к ним нарсудьи, и когда при этом границы деятельности последних трудно уловимы как для тех, так и для других, ничего кроме путаницы не получится. Это неизбежно, если не только ряд нотариальных действий, как, например, исполнительные надписи, распределяются между ними, но даже одно и то же нотариальное действие совершается при одних условиях вол(рай)исполкомом, а при других—нарсудьей. Так, исполнительную надпись на протестованном векселе для лица, проживающего в данной сельской местности, должен учинить вол(рай)исполком, а если это лицо и его должник не проживают в данной местности, то эту же самую исполнительную надпись может учинить в сельской местности только нарсудья. Или, еще один пример—исполнительную надпись на расчетной книжке батрака, проживающего в данной сельской местности, может совершить в этой местности только вол(рай)исполком, а если батрак и его наниматель не живут в этой местности, то ту же исполнительную надпись они могут там же получить только у нарсудьи. Помимо этого объем нотариальных действий того или иного нарсудьи в деревне поставлен в зависимость от того, находится ли в том же селении, где и камера нарсудьи, сельсовет или же вол(рай)исполком. Все эти тонкости разграничений трудно уловимы и для более квалифицированных работников нотариата.

Ряд изменений ГПК, которые должны были разгрузить нарсудей, этой цели в отношении сельских нарсудей в действительности не достигли и этим судьям пришлось как бы переложить отдельные виды судебных дел с одной полки на другую для нотариального делопроизводства. Так обстоит у них дело с исполнительными надписями, заменившими собой судебные приказы, с нотариальным производством по обеспечению доказательств, явившемуся на смену такого же судебного делопроизводства и т. д.

Как бы незначительно ни было количество совершаемых нарсудьями нотариальных действий, все же эта нотариальная работа требует от них глубокого изучения и самого внимательного отношения. Представляется более целесообразным освободить сельских нарсудей от нотариальных действий и дать им возможность за счет этого уделить побольше внимания таким существенным и новым их обязанностям как нотариальное структурирование сельсоветов и рассмотрение жалоб на нотариальные действия вол(рай)исполкомов и сельсоветов. Ведь эти обязанности тоже требуют от них затраты времени для изучения законодательных материалов, относящихся к сельскому нотариату, и всех изменений в них.

Несмотря на то, что у сельского населения чрезвычайно редко встречается надобность в совершении нотариальных действий, оставшихся у нарсудей, и несмотря на то, что нет никаких препятствий для передачи этих дел вол(рай)исполкомам, все же в настоящее время приходится затрачивать средства на снабжение нарсудей регистрационными карточками, денежными книгами, отчетными ведомостями и т. д. Приведенные доводы, казалось бы, в достаточной степени говорят за то, что для пользы дела следует освободить нарсудей от совершения нотариальных действий в ограниченном объеме и передать от них вол(рай)исполкомам все то, в чем может встретиться надобность у сельского населения, а именно—исполнительные надписи, указанные в литерях «б», «в», «с», «к», «л», «м» и «п» пункта 1 ст. 47 Пол. о госнотариате. Все остальное при этом механически отойдет к нотариальным конторам, против чего вряд ли можно возражать, поскольку это будут такие нотариальные действия, которые или не встречаются в условиях сельского быта, или носят исключительный характер, как, например, обеспечение доказательств, выдача свидетельств о праве на наследование, о признании имущества выморочным и т. п.

Приведенные соображения, конечно, не касаются нарсуей, совершающих нотариальные действия в полном объеме в тех местностях, где нет нотариальных контор, как например, в Хакасии.

Заместитель нотариуса Новосибирской нотариальной конторы *Межецкий*.

Новосибирск.

Вопросы нотариальной практики.

Из вопросов нотариальной практики, на которых в последнее время приходилось останавливаться, заслуживают быть отмеченными следующие:

1. Целый ряд ведомственных госиздательств, можно сказать большинство, имеют утвержденный устав или положение, но почему-то эти издательства продолжают действовать без регистрации. Ими заведены дела в нотариальных конторах, они так существуют целые годы и привыкли считать, что все поэтому у них в порядке. Между тем, нет оснований не требовать, чтобы эти издательства, наравне с прочими государственными торговыми предприятиями, действующими на началах коммерческого или хозяйственного расчета, были не только утверждены, но и зарегистрированы. В действующем законодательстве, к сожалению, не имеется общего положения о регистрации издательств, состоящих при государственных учреждениях за исключением газетных издательств при исполкомах (С. У. 1925 г. № 49, ст. 380), что в значительной степени, очевидно, обуславливает пестроту и шаткость практики в этом вопросе. Напр., издательство Наркомторга или издательство «Дер Эмес» — зарегистрированы. Почему же существуют без регистрации издательства: «Вопросы Труда», «Финансовое Издательство», «Государственное Медицинское Издательство», «Плановое Хозяйство» и многие другие?

То же самое можно сказать о многих вообще подсобных госпредприятиях, не исключая предприятий при учебных заведениях и исследовательских институтах, не говоря уже о трестах, в которых в этом отношении не все благополучно. Наркомторг по запросу Производственного бюро Московского строительного техникума им. т. Андреева при М. Б. Б. ж. д. разъяснил бюро, что поскольку бюро не занимается торговой и промышленной деятельностью в виде промысла (ст. 2 пол. о торг. регистр.—С. З. 1927 г. № 57, ст. 579) и поскольку организационная структура бюро не предусмотрена ст. 10 того же положения, последнее не подлежит торговой регистрации. Однако, бюро института нар. хоз. им. Плеханова или Производственное бюро Московского текстильного института, т.-е. предприятия, по своим целям и структуре вполне совпадающие с названным бюро, Наркомторгом зарегистрированы.

Основная цель подсобных госпредприятий, как известно, производство торговых, промышленных или иных хозяйственных операций для содействия тому государственному учреждению, в ведении которого данное подсобное предприятие состоит («С. У.» 26 г. № 31, ст. 237), следовательно, вспомогательный характер операций подсобных госпредприятий как-будто не исключает того обстоятельства, что торговая, промышленная или иная хозяйственная деятельность в этом случае все же является промыслом, хотя и подсобным. С другой стороны, закон о подсобных госпредприятиях, требуя их регистрации, никаких изъятий для них не установил. Вот почему нельзя согласиться с вышеуказанным мнением Наркомторга. Уставы, структура и задачи всех этих предприятий одинаковы, но на практике их правовой режим почему-то различный. Пспутно следует обратить внимание МОСО на необходимость упорядочения дела регистрации инвалидных артелей. По закону («С. У.» 1926 г. № 41, инстр. НКСО РСФСР от 7 фев. 1927 г. № 8—«Бюл. фин. и хоз. законод. № 12) утвержденный устав артели регистрируется в особом реестре, при чем надпись на уставе должна заключать в себе указания о времени утверждения и регистрации устава артели. Только с момента утверждения и регистрации устава артель приобретает права юридического лица. Между тем, штамп МОСО гласит только об утверждении устава данной артели («Утверждаю», дата и подпись), но о регистра-

ции почему-то никаких указаний не содержит. В таком виде представляются почти все уставы инвалидных артелей. На этих уставах, правда, иногда имеется надпись о регистрации артели в Мосгубкоопинсоузе. Но надпись о состоянии в членстве инвалидного союза по линии кооперации ничего общего не имеет с актом регистрации при возникновении юридического лица. На эту мнимую «регистрацию» представители артели обычно и ссылаются, что, конечно, неправильно. Поэтому необходимо надпись МОСО на уставах инвалидных артелей дополнить сведениями о регистрации, а надпись о вступлении артели в коопинсоюз именовать не регистрацией, а справкой.

2. Согласно § 148 инстр. НКЮ № 40 за 1928 г., изданной в развитие Пол. о гос. нотариате, оговорки о всех приписках, поправках, исправлениях делаются в конце текста документа или копии, перед подписями участвующих, если они подписываются и, во всяком случае, перед удостоверительной подписью и в таком случае, на отмену существовавшего ранее порядка, в удостоверительной надписи не повторяются.

Это правило, имеющее в виду упростить технику засвидетельствования, на практике, однако, вызывает затруднения и может повести к злоупотреблениям. В ст. 25 Пол. о нотариате сказано как раз обратное: поправки и приписки должны быть повторены в удостоверительной надписи. Когда оговорки нет в самой удостоверительной надписи, всегда легко предположить, что все приписки, поправки и исправления в тексте документа сделаны — и могут быть сделаны, — помимо или вопреки воле самих участников сделки, и если совершены участниками, то без нотариуса. Здесь необходимо привести пример. Возьмем доверенность, в которой, между прочим, сказано о праве заключения всякого рода договоров без ограничения суммы. Документ напечатан, как это в большинстве случаев бывает, на пишущей машинке, но слова «без ограничения суммы» вписаны от руки взамен зачеркнутого: «но каждая сделка не должна превышать 50.000 руб.». Оговорка перед первоначальными подписями доверителя имеется, но в удостоверительной надписи нотариуса об этом исправлении ничего не говорится. Здесь, естественно, сразу возникает вопрос, кем и когда вписаны слова «без ограничения суммы»? Если исправления сделаны почерком подписавшего доверенность, сомнений только меньше. Но сплошь и рядом исправления делаются другим почерком, следовательно, другими лицами, тогда опасений еще больше. Право такого уполномоченного становится таким образом сомнительным и документ недостоверным. И это бывает, в особенности, тогда, когда поправки расширяют полномочия и касаются срока, суммы сделки, права подписывать чеки или векселя, т.-е. существенных частей документа.

На этой почве учреждения и отдельные лица обращаются в потконтору с просьбой подтвердить вторично оговорку или исправление текста документа, который уже однажды был нотариально удостоверен с соблюдением вышеуказанного § 148 инстр., по который, тем не менее, в силу сказанного возбуждает справедливые сомнения при осуществлении указаний в нем прав.

В виду изложенного не целесообразнее ли, по крайней мере, существенные приписки, поправки и исправления оговаривать и нотариусу и не перед удостоверительной подписью, как этого требует инструкция, а во всяком случае в конце надписи?

3. Неблагополучно еще с удостоверениями личности. Трудовые книжки, как документы, юридически ничтожны еще с 1 янв. 1924 г. Циркуляр НКВД РСФСР от 23 марта 1928 г. № 17 («Бюл. фин. и хоз. законод.» № 21 1928 г.), напоминая об этом, предлагает не принимать трудовых книжек в качестве удостоверяющих личность документов ни при выдаче гражданам удостоверений личности, ни при прописке их. Непринятие трудовых книжек потконторами в настоящее время было бы очень затруднительно, так как сплошь и рядом кроме трудовых книжек у клиентов потконторы никаких иных документов нет. О том же, что трудовые книжки аннулированы, граждане заявляют, что им это неизвестно. Поэтому желательно еще раз широко опубликовать, что трудовые книжки в настоящее время считаются, как документы, юридически ничтожными.

Стеснительным также представляется правило устанавливать самоличность участвующих в сделках и документах лиц—при отсутствии у них письменных доказательств—двумя гражданами, лично известными нотариусу, или представившими в удостоверение своей самоличности надлежащие документы (ст. 27 Пол. о гос. истар.). Почему бы не ограничиться в этом случае одним гражданином, в особенности тогда, когда удостоверяющий гражданин лично нотариусу известен? Попытки граждан, участников сделки, найти двух граждан, лично известных нотариусу, на практике всегда бывают тщетными. Поэтому вышеозначенное правило в этой части, как неосуществимое, остается мертвой буквой, и должно быть отменено.

У граждан удостоверения личности, когда они имеются, редко бывают в порядке: представляются документы просроченные, изорванные, подчищенные, исправленные и не оговоренные, недействительные и даже чужие. Трудности отсюда большие, их приходится разрешать осторожно и умело, однако без чрезмерных формальных требований там, где они излишни.

4. В нотариальные конторы постоянно представляются для совершения передоверия судебные доверенности, выданные заключенными и удостоверенные не нотариальным порядком, а только должностными лицами мест заключения. Закон не предоставил права местам заключения свидетельствовать такие доверенности, поэтому последние нотконторами не принимаются. Это вызывает нарекания и недоумение обращающихся, почему же места заключения означенные доверенности все же удостоверяют. Доверенности находящихся в Соловецких лагерях особого назначения, удостоверенные Управлением лагерями, однако нотконторами принимаются во внимание, как разъяснил НКЮ (Московскому нотар. отд., отнош. от 3 фев. 1925 г. за № 10/3649) по следующим обстоятельствам: на Соловецких островах не имеется ни нотариальных учреждений, ни нарсуедей и по принятому в Соловецких лагерях порядку подписи содержащихся в них во всех случаях свидетельствуются должностными лицами этих лагерей. Имеются, очевидно, и другие места заключения, для которых, подобно УСЛОНУ, можно было бы установить изъятие. Список таких мест заключения следовало бы установить и опубликовать. Вместе с этим, в виду изложенного, необходимо через НКВД или издать распоряжение о прекращении удостоверения доверенностей заключенных всеми остальными местами заключения, или существующую практику в этой области, для удобства граждан, узаконить. Попутно следует отметить также, что некоторые нотариальные работники отрицают право близких родственников обвиняемых выдавать от своего имени судебные доверенности в защиту интересов таковых в виду, главным образом, того обстоятельства, что воля обвиняемого в данном случае неизвестна и лично им не выражена.

Право защиты близких родственников установлено ст. 53 УПК. На основании этой статьи было бы правильное считать, что близкий родственник, напр., отец, поручая судебную защиту обвиняемого—своего сына, находящегося в заключении, осуществляет свое самостоятельное право, принадлежащее ему в силу близкого родства? Такая точка зрения может быть признана юридически неправильной. Но не надо забывать, что в этих случаях дело сводится к выдаче полномочий на подачу одной касс. жалобы или к выступлению по конкретному уголовному делу в Верховном суде и при этом часто к выполнению фактического поручения самого обвиняемого, данного своему родственнику устно или в письме, каковое поручение по тем или иным причинам, например срочности дела, трудно или невозможно иначе оформить.

5. НКЮ по согласованию с НКФ РСФСР недавно разъяснил циркуляром от 24/VII—28 г. № 32, что поскольк нот. сбор в настоящее время является общегосударственным бюджетным сбором, золотопромышленные предприятия как гос., так и частные, не облагаемые никакими общегосударственными налогами и сборами, должны быть признаны с 1 окт. с. г. свободными и от нотариального сбора.

Распространяется ли указанная льгота и на концессионные предприятия этого рода (Лена—Гольд-

фильде), которые являются также частными, но правовое положение которых должно определяться содержанием только самого концессионного договора? Аргументация данного циркуляра не может быть признана правильной и удачной. Нотариальный сбор все же не перестает быть сбором пошлинного характера, т.-е. сбором, взимаемым за услуги гос. органа. До сего времени освобождение от пошлин, в том числе и от нотариальных сборов имело место только в том случае, когда об этом особо указывалось в законе. Существует не мало предприятий, которые так же, как и золотопромышленные предприятия, по тем или иным основаниям освобождены от всех гос. налогов и сборов, но которые, тем не менее, нот. сбор платят. При новом распространительном толковании льготы пошлинного характера получилось бы так, что эта льгота должна применяться во всех случаях, когда по уставу или закону данное учреждение или предприятие освобождается от всех гос. налогов и сборов. Однако, уже 1/XII—28 г. был издан новый циркуляр НКФ и НКЮ № 202 («Бюлл. фин. и хоз. закон.», № 2—1929 г.) с аргументацией прямо противоположной, но совершенно правильной, а именно: изменения порядка внесения нотсборов в гос. бюджет вместо специальных средств НКЮ не изменило юридической природы этого сбора, нот. сбор как был, так и остался сбором пошлинного характера; общая формула, употребляемая в некоторых законах: «освобождается от налогов и сборов» распространяется лишь на налоги и сборы налогового характера, но не пошлинные сборы пошлинного характера. Изъятия от последних, в том числе и от нот. сбора, должны быть точно установлены законом. А раз это так, а это именно только так, золотопромышленные предприятия, не внесенные в перечень изъятий по нот. сбору («С. У.» 1927 г. № 78, ст. 532) и не освобожденные от нот. сбора отдельным законоположением, пока что не имеют никаких оснований требовать применения к ним льготы по нот. сбору. Следовательно, вышеозначенный циркуляр НКЮ № 32, как неправильный, должен быть отменен, а освобождение от нот. сбора золотопромышленных предприятий следует обосновать изданием специального закона.

Москва.

В. Шимчак.

«5»

НОТ в органах юстиции.

Упрощение порядка прекращения дознаний.

(Из материалов бюро рационализации).

Согласно существующему порядку, дознания, заканчиваемые органами милиции и уг. розыском в пор. п. 1 ст. 105 УПК, направляются для прекращения в камеры следователей регистрируются в них с заведением карточек ф. № 4 и ф. № 3 и остаются на хранении в архиве след. камеры.

В настоящее время в районированных областях при наличии в них в каждом районе нарсуедей и районного отдела, целесообразно заменить такой порядок прекращения дознаний следующим, разработанным по инициативе Сталинградской окрпрокуратуры:

а) Дознания, заканчиваемые милицией и угол. розыском в пор. п. 1 ст. 105 УПК, в след. камеры не посылаются, а остаются в соответствующих органах дознания в специальных папках, впредь до просмотра их следователем.

б) Просмотр этих дознаний осуществляется следователем на месте (в органах дознания) не реже одного раза в неделю, преимущественно в определенные дни. В эти же дни может производиться просмотр и остальных находящихся в производстве (незаконченных) дознаний.

в) При просмотре этих дознаний следователь отмечает свои действия (указанные в ст. 222 УПК) в виде надписей на самих дознаниях, при чем отметка о прекращении дознания может делаться посредством штампа за подписью следователя и датой.

г) В процессе просмотра этих дознаний следователь лично инструктирует по отдельным делам лиц, производивших дознание (если они налицо), и отмечает общие

недостатки по просмотренным дознаниям в особой учетной тетради.

д) После просмотра—дознания, прекращенные или приостановленные следователем, перемещаются в архив органа дознания; дознания, направленные следователем для исследования, поступают снова в производство органа дознания; дознания же, которые окажутся необходимым направить по подследственности, для предания суду или для производства следствия (редкие случаи, предусматриваемые графами 25, 27, 29 и 32 ст. таблицы № 5), а также дознания, прекращаемые по основаниям примечания к ст. 6 и статьи 8 УК, направляются после просмотра попрежнему в след. камеры для регистрации и оформления дальнейшего направления.

е) Для учета в след. камерах дознаний, которые будут при просмотре следователями на месте прекращены, или приостановлены, или возвращены для исследования и поэтому выпадут, согласно предыдущему пункту, из регистрации и учета в след. камерах, следователь после каждого просмотра таких дознаний заполняет особую рабочую ведомость на текущий квартал.

Итоги по этой ведомости включаются в соответствующие графы табл. № 5 при ее составлении за истекший квартал.

ж) О прекращении дознаний органы милиции и розыска немедленно извещают подозреваемых, относительно которых принята мера пресечения. Объявления о прекращении дознаний остальным подозреваемым и потерпевшим делаются органами милиции и уг. розыском при обращениях к ним со стороны указанных лиц. Совершенно не изменяя при этом сущности действий следователей по прекращению дознаний, изложенный порядок имеет следующие преимущества:

1. Отпадает надобность в пересылке дознаний, заканчиваемых в пор. п. 1 ст. 105 УПК (т.-е. большинство), из органов милиции и угол. розыска в камеры следователей и в обратной пересылке тех из них, которые направляются на исследование.

2. Отпадает параллельная регистрация их в камерах следователей, что создает крупную реальную экономию материалов и труда.

Эта экономия может быть иллюстрирована следующими данными: за последние два полугодия по Нижневолжскому краю через следкамеры прошло в круглых цифрах 40.000 дознаний в пор. п. 1-го ст. 105 УПК (при 15.000 дознаний в пор. п. 3 ст. 105), регистрация которых потребовала 40.000 карточек ф. № 14 и приблизительно 10.000 алфавитных групповых карточек и около 3.000 часов, или 500 дней, или 20 месяцев рабочего времени (считая по 4—5 минут на обработку регистрации и последующего учета каждого дознания), что в денежном выражении дает затрату около 75 рублей на карточки (по 1 р. 47 к. за тысячу) и около 600 руб. на зарплату делопроизводителям следователей (около 30 р. в месяц в среднем).

Фактически устранение в следкамерах момента делопроизводства по регистрации дознаний в пор. п. 1 ст. 105 УПК позволит в ряде небольших районов вовсе упразднить должность делопроизводителей и за счет образовавшейся экономии поднять ставки следователей.

3. Обеспечивается живое руководство органов милиции и угол. розыска со стороны следователей.

4. Сосредоточение архива прекращенных дознаний в милиции и розыске дает им возможность вести необходимую разработку и сопоставление розыскных материалов также и по прекращенным делам.

Люблин.

г. Саратов.

Хроника.

Новое в наркоматах.

Кто может работать в органах НКТруда.

НКТ РСФСР и ВЦСПС в целях обработки аппарата ввели новый порядок комплектования местных органов НКТруда РСФСР.

Кандидатуры правовых инспекторов предварительно обсуждаются и намечаются на крупных фабрично-заводских предприятиях. Из числа намеченных кандидатов пленум окружного совета профсоюзов избирает инспекто-

ров труда; избранные кандидаты утверждаются (краевым) областным отделом труда.

Санитарные и технические инспектора назначаются окружными отделами труда по согласованию с окрсовпрофом.

Кандидатуры сельскохозяйственных инспекторов выдвигаются на окружных съездах или конференциях союза сельхозрабочих. Избранные кандидаты утверждаются краевым (областным) отделом труда.

Кандидатуры строительных инспекторов труда выдвигаются на окружном съезде или конференции союза строительных рабочих. Избранные кандидаты утверждаются краевым (областным) отделом труда.

Инспектора труда избираются на два года и могут быть сняты с работы досрочно лишь в следующих случаях: отзыва со стороны органа, избравшего данное лицо, если избранный дискредитировал себя; постановлением РКИ; по решениям следственных и судебных органов; по причине непригодности к работе.

В органах труда не могут работать лица: а) лишенные избирательных прав; б) не состоящие членами профсоюза; в) служившие в белых армиях, полиции, жандармерии, охранном отделении независимо от восстановления в правах гражданства и занимавшиеся торговлей или имевшие предприятия до или после революции; г) осужденные за порочащие уголовные преступления; д) лишенные права занимать ответственные должности. (для перечисленных выше должностей); е) занимавшие административные должности в концессионных и частных предприятиях.

Инспектора труда должны иметь производственный стаж не менее пяти лет и не менее двух лет общественной, профсоюзной, партийной и хозяйственной работы.

Технические инспектора должны иметь диплом об окончании вуза.

Санитарные инспектора должны иметь диплом об окончании медицинского факультета.

Санитарные и технические инспектора должны иметь трехлетний стаж или общественной, или профсоюзной, или партийной, или производственной, или научной работы до или после окончания учебного заведения.

(Пост. НКТруда РСФСР от 11 июня 1929 г. № 143 и ВЦСПС № 136—«Труд» № 146 1929 г.).

Законодательство о труде не распространяется на лиц, обслуживающих религиозные культы.

На лиц, обслуживающих всякого рода религиозные культы, вне зависимости от форм обслуживания, хотя бы получающих вознаграждение (например, певчие, регенты, организаторы, ктитории, псаломщики, канонники, гамесы, резники, муэдзины, учителя церковных школ, руководители и преподаватели всяких кружков религиозных общин, члены церковных советов, административно-хозяйственный и канцелярский персонал церковных советов и религиозных общин, художники, работающие по заданиям церковных советов и религиозных общин, и т. п.), законодательство о труде и социальном страховании не распространяется.

На сторожей и истопников, занятых по обслуживанию зданий и помещений всякого рода религиозных культов, если с ними заключены трудовые договоры, при участии профсоюза, а также и на лиц, занятых на работе по строительству и ремонту зданий, арендуемых организациями культов, законодательство о труде и социальном страховании распространяется на общих основаниях.

Работа по обслуживанию всякого рода религиозных культов, вне зависимости от форм обслуживания, за исключением работы, указанной выше, в стаж работы по найму не засчитывается.

Однако, работа учителей, работавших в дореволюционное время в церковных школах кроме работы по преподаванию религиозных культов, засчитывается в стаж работы по найму на общих основаниях.

(Пост. НКТ СССР № 188 от 8 июня 1929 г.—«Труд», № 146 1929 г.).

Право собственности на часть неделимого домовладения не может быть зарегистрировано.

В практике коммунальных отделов имеют место случаи регистрации за совладельцами домовладений в собственности отдельных частей домовладений и строений.

Указанный порядок регистрации является неправильным. НКЮ циркуляром от 26/II 1927 г. («ЕСЮ» 1927 г. № 10) дал указание нотариальным конторам в том смысле, что отчуждение отдельных строений из состава домовладения может иметь место лишь в том случае, если возмужан выдел отчуждаемых строений из состава всего домовладения. Таким образом, этим циркуляром установлено положение, что право собственности не может быть установлено на часть неделимого домовладения. Циркуляром установлено изъятие лишь в отношении строений, находящихся на одном земельном участке, которые ко времени отчуждения уже принадлежат на праве собственности разным лицам.

Это изъятие не может быть, однако, распространено на строения, отдельные части коих зарегистрированы в собственности за разными лицами. В этих случаях сохранение существующей регистрации создало бы необеспеченность хозяйственного содержания строений, поскольку строения являются одним хозяйственным объектом и не было бы лица, ответственного за содержание всего строения.

НКВД предложил коммунальным отделам при наличии регистрации права собственности на части строений произвести перерегистрацию этих строений на праве общей собственности применительно к ст. 61 Гражданск. Кодекса (Цирк. НКВД № 170 от 20 мая 1929 г.—«Бюлл. НКВД» № 20 1929 г.).

Изменены правила об обязательных постановлениях РИК'ов и ВИК'ов и об административных взысканиях за их нарушение.

Порядок издания обязательных постановлений ВИК'ами и РИК'ами (Инстр. НКВД № 125 от 30/III 1929 г. «Бюлл. НКВД» 1928 г. № 12) распространен и на сельские советы экономически мощных и многонаселенных сел, в которых образованы исполкомы, в случае, если такое право им будет предоставлено губ. (окр., обл.) исполкомом.

В инструкции НКВД № 125 от 30/III 1928 г. изменены ст.ст. 8, 9, 17, 18, 24 и 33.

Рай- и вол- исполкомы должны в 2-дневный срок со дня подписания обязательного постановления препроводить копию его в вышестоящий исполнительный комитет, прокурору и окружному или уездному административному отделу. Сельские советы в тот же срок копии своих обязательных постановлений должны направлять в вышестоящий исполнительный комитет, прокурору и районному административному отделению.

В случае, если прокурор признает поступившее к нему обязательное постановление незаконным, на него возлагается обязанность сообщить свой протест не позднее, чем в 2-дневный срок со дня получения постановления, соответствующему рай, вол- исполкому или сельскому совету, издавшему это обязательное постановление. Административный отдел (отделение) свои протесты в таких случаях должен в тот же срок сообщить исполнительному комитету, отделом (отделением) которого он является.

Исполнительные комитеты и сельские советы обязаны рассматривать протесты прокуратуры и административных отделов (отделений) в кратчайший срок, не позднее 2-недельного срока по их внесении.

Районные административные отделения (с утверждения РИК'а) и волостные исполнительные комитеты за нарушение обязательных постановлений районных и волостных исполнительных комитетов имеют право налагать следующие меры административных взысканий: предупреждение, штраф не свыше 3 рублей, принудительные работы на срок до 5 дней.

За нарушение обязательных постановлений, изданных край, обл, губ. и окр. исполкомами, они имеют право налагать административные взыскания в пределах, установленных этими обязательными постановлениями, но не свыше 10 руб. штрафа или 2 недель принудительных работ.

За нарушение обязательных постановлений, изданных уездными исполкомами, волисполкомы имеют право налагать административные взыскания в пределах, установленных этими обязательными постановлениями, но не свыше 5 рублей штрафа или одной недели принудительных работ.

Сельские советы имеют право за нарушение сроков регистрации актов рождений и смертей, обязательных постановлений, ими изданных, а также отдельных обязатель-

ных постановлений, рай- или волисполкомов, в которых такое право предоставлено сельским советам, налагать следующие меры административных взысканий: предупреждение, штраф, не свыше 1 рубля, принудительные работы на срок до 2 дней.

В постановлении о наложении взысканий в виде штрафа за нарушение обязательных постановлений сельских советов, рай- и волисполкомов обязательно должна предусматриваться замена штрафа, в случае его неуплаты— принудительными работами. В постановлении о наложении взысканий в виде штрафа за нарушение обязательных постановлений вышестоящих исполкомов должно быть указание на замену штрафа, в случае его неуплаты— принудительными работами или на взыскание его в принудительном порядке.

Лицо, на которое наложено взыскание в виде штрафа, должно внести его в сельский совет в 2-недельный срок со дня предъявления ему под расписку постановления о наложении взыскания. При неуплате нарушителем штрафа в этот срок, сельский совет делает соответствующую отметку на обороте постановления и, в случае указания в постановлении на замену принудительными работами, назначает нарушителю время для отбывания принудительных работ на срок, указанный в постановлении. Если в постановлении нет указаний на замену штрафа принудительными работами, сельский совет делает на постановлении отметку о неуплате штрафа и производит при помощи сельских исполнителей опись имущества нарушителя, которую вместе с этим постановлением возвращает волисполкому или районному административному отделению.

Рай или волисполком, ознакомившись с представленной сельсоветом описью имущества нарушителя, может изменить свое первоначальное постановление и заменить штраф принудительными работами или предупреждением.

Постановление районного или волостного исполнительного комитета о принудительном взыскании штрафа утверждается президиумом окружного или уездного исполнительного комитета, а в период между их заседаниями— председателями этих исполкомов, с последующим сообщением президиуму исполкома.

Принудительное взыскание штрафов осуществляется милицией.

(Пост. НКВД № 156 от 11 мая 1929 г.—«Бюлл. НКВД» № 19 1929 г.).

Борьба с незаконными лотереями и играми.

НКВД предложил местным административным органам принять меры к недопущению устройства каких бы то ни было лотерейных игр и лотерей без специальных разрешений правительства СССР или правительства РСФСР.

Всех нарушителей привлекать, согласно разъяснения пленума Верховного Суда РСФСР от 20 февраля 1928 г. (протокол заседания № 5 п. 6—«ЕСЮ» 1928 г. № 14, стр. 496) к ответственности: должностных лиц—по 2 части ст. 112 УК; частных лиц, устраивающих в целях личного обогащения эти лотереи под видом усиления средств государственных и общественных организаций,—по 1 части ст. 169 УК; частных же лиц, действующих без указанных в предыдущем пункте признаков, при наличии обязательных постановлений соответствующих исполнительных комитетов,—к ответственности в административном порядке.

При обнаружении тайных игорных притонов необходимо иметь в виду, что привлечению к ответственности подлежат только содержатели притонов, владельцы помещения (квартиры) и непосредственные устроители азартных игр.

Устройство азартных игр в помещениях частных лиц может влечь за собой административную ответственность только в том случае, если вследствие систематического устройства таких игр это помещение приобретает характер игорного заведения, где с играющими владельцем помещения или устроителем игр берется какая-либо плата за вход или за пользование игральными предметами (картами, костями, рулетками и т. п.) или за участие в игре, например, с кона, со ставки, с каждой битой карты, с банка, с игрока и т. п.

Обнаружение игровых карт, рулеток, лото, костей и т. п. обнаруженных в тайных игорных притонах, и приобщение их к делу в качестве вещественных доказательств может иметь место только в том случае, если против содержателей притонов, устроителей азартных игр или от-

дельных игроков, помимо привлечения их к административной ответственности, возбуждается также и судебное преследование по соответствующим ст.ст. УК и эти игральные предметы являются доказательством совершенного преступления. В дальнейшем вопрос о судьбе этих вещественных доказательств разрешается судом в порядке ст. 69 УПК.

(Циркуляр НКВД № 181 от 28 мая 1929 г.—«Бюлл. НКВД» 1929 г. № 20).

Запрещается принимать взамен обеспечительных вексельные бланки с незаполненным текстом.

В практике имеют место случаи приема банками взамен обеспечительных векселей так называемых вексельных бланков, т.е. вексельных листов с одной лишь подписью векселедателя и с датой или без таковой; при этом иногда один и тот же вексельный бланк, в случае возвращения его незаполненным лицу, учинившему подпись, снова передается последним по другой сделке.

НКФ СССР разъясняет, что такого рода вексельные бланки, как не имеющие всех установленных законом вексельных реквизитов, не могут считаться вексельными обязательствами или заменить собою таковые.

Поэтому кредитные учреждения в тех случаях, когда по уставу или операционным правилам требуется принятие обеспечительного соло-векселя, не вправе принимать вместо него вексельный бланк.

НКФ СССР рассматривает передачу вексельного бланка взамен векселя, как действие, направленное к обходу установленной законом оплаты вексельных обязательств гербовым сбором и предлагает в случае обнаружения при гербовых ревизиях в портфеле учреждения и лиц такого рода бланков привлекать виновных к законной ответственности и налагать предусмотренный уставом о государственном гербовом сборе штраф.

(Цирк. НКФ СССР № 494 от 6 июня 1929 г.—«Изв. НКФ» № 35 1929 г.).

Борьба с фиктивной сдачей земель в аренду с целью получения льгот по сельхозналогу.

При практическом проведении на местах льготы, предусмотренной ст. 44 положения о сельхозналоге, возможны отдельные случаи, когда кулацкие хозяйства записывают часть своей посевной площади за маломощными и середняцкими хозяйствами, как арендуемой последними. Между тем фактически записанная таким образом земля эксплуатируется кулацким хозяйством.

Поскольку в маломощном или середняцком хозяйстве эта записываемая земля считается приростом посева и сельхозналогом не облагается, этим пользуются кулаки в целях понижения тяжести обложения.

НКФ СССР предложил финорганам принять меры к тому, чтобы такой фиктивный прирост не давал основания к получению льготы за расширение посевплощади.

(Цирк. НКФ СССР № 438 от 8 мая 1929 г.—«Изв. НКФ» № 32 1929 г.).

Порядок и сроки обжалования по сельхозналогу.

НКФ СССР разъяснил, что формальное нарушение установленного порядка и сроков подачи жалоб, как общее правило, не может являться основанием к отклонению, а тем более к отказу в рассмотрении поданной жалобы. Тем не менее, все же следует принять меры к тому, чтобы жалобы подавались в установленном порядке и в срок. С этой стороны надо не только вести разъяснительную кампанию среди крестьянства о порядке и сроках обжалования, но и принять решительные меры к тому, чтобы жалобы на местах не залеживались.

Совершенно особняком стоит вопрос о жалобах тех хозяйств, которые обложены в индивидуальном порядке.

Принимая во внимание, что в нынешнем году к обжалованию в индивидуальном порядке привлекаются хозяйства по признакам, установленным обязательными постановлениями исполкомов, и что в этом порядке облагается наиболее богатая часть кулаков, в отношении этой категории хозяйств следует твердо придерживаться установленных в инструкции по с.-х. налогу сроков и порядка подачи жалоб. Само собою разумеется, что формальное нарушение порядка и сроков обжалования в исключитель-

ных случаях и для этой категории хозяйств не должно служить препятствием к рассмотрению и разрешению поданной жалобы. Сюда относятся случаи явных злоупотреблений и нарушений закона и инструкции.

(Цирк. НКФ СССР № 438 от 9 мая 1929 г.—«Изв. НКФ» № 31 1929 г.).

На местах.

Борьба со спекуляцией землей в Тверской губ.

(По данным ревизионного изучения дел).

Губсудом были затребованы из нарсудов губернии уголовные дела по ст. 87-а (всего 18), которые были подвергнуты изучению.

Незначительное количество дел о торговле землей нельзя рассматривать как благополучие в губернии в этой области, так как за совершаемыми сделками трудовой аренды и купли-продажи садов, огородов, строений и т. п., сплошь и рядом скрывалась купля-продажа земли. Кроме того, не было надлежащего контроля и наблюдения, как со стороны сельсоветов, ВИК'ов, так и прокуратуры. Так, например, ряд сделок официально зарегистрирован сельсовета и ВИК'ами.

При изучении этих дел было выявлено, что продают больше всего крестьяне бедняки и середняки, а покупает землю в большинстве случаев зажиточная часть деревни и рабочие, которые приобретают усадебные планы и участки под стройку дома.

Встречаются случаи открытой торговли землей, но большей частью покупка и продажа земли производится под видом скрытой аренды.

Для характеристики видов заключаемых сделок приведем следующие примеры:

1) В 1926 г. между гр. Спировской вол. дер. Спирово Афанасьевым и гр. Козловской вол. дер. Матвейково Ивановым состоялась сделка купли-продажи земли с усадьбой, принадлежащей Афанасьеву.

Условленная по договору сумма 750 рублей Ивановым Афанасьеву была уплачена и Иванов обратился к об-ву дер. Спирово с заявлением о принятии его в члены земельного об-ва, но в просьбе ему было отказано. Вследствие этого названный договор между ними был расторгнут.

Спустя некоторое время Афанасьев, проживая при ст. Химки Окт. жел. дор., продал свою постройку, находящуюся при дер. Спирово, гр-ну той же деревни, проживающему на отдельном отрубном участке—Никифорову с оставлением постройки на месте, а для того, чтобы скрыть факт продажи усадебного участка, Никифоров отвел на своем участке площадь земли, равную усадебному участку последнего.

2) Гражданин Кимрского у. и вол., дер. Крестниково Воробьев продал гр-ну дер. Лахирево Шакманову усадебный участок размером в 216 кв. саж. за 75 рублей под застройку дома.

Обнаружено два случая дарения земли: когда отец передает своей дочери участок земли под застройку дома и когда тесть отдает своему зятю как «приданое» усадебный участок.

Хитрые спекулянты-кулаки и при незаконных сделках стараются обеспечить свои интересы. Продавец боится покупателя, как бы тот не завладел землей без денег. Покупатель боится продавца, как бы тот не получил задаток и «не попятился».

Поэтому земельные спекулянты продают землю под видом «долгосрочной аренды» на 12—18, 25 лет, а деньги получают сразу. Вот пример: гр-н дер. Горки, Спировской вол. Никитин имеет в своей деревне дом, 5 десятин земли, но с 1920 г. он не пользуется ею, потому что в ней не нуждается, а отдает ее ежегодно в пользование, за что получает 50% зерном или сеном. Так вот этот Никитин имеет еще «домик» в деревне Карабиха, приобретенный у некоего Зубрилова с усадебным планом, перешедшим в полную его собственность. Проживает же в этой деревне некто Ребров, у которого имеется усадебный участок размером в 550 кв. саж., который должен был по закону перейти в пользование Карабихинской школы, поскольку Ребров им уже с 1920 г. не пользуется.

Чтобы эта земля не досталась бесплатно школе, он заключает договор с Никитиным, а так как последний имеет

уже два плана, то Никитин приглашает из дер. Цень, Раменской вол., Новорожского у., гр-на Игнатьева Дмитрия, у которого под видом долгосрочной аренды и покупает этот участок за 240 рублей.

Несмотря на полную очевидность скрытой купли-продажи земли, Спировский ВИК эту сделку утвердил. С разрешения ВИК'а Никитин строит третий дом.

Особая наглость отмечена в сделке заключенной гр-ном пос. Калашникова Панковым В., который спекулировал землей с 1920 г. до 1928 г., под видом аренды разделил всю землю на 15 участков и продал их 15 лицам, за что и получил 525 рублей.

Характерно, что все эти безобразия происходили под носом сельсовета и ВИК'а.

Особенно безобразный случай торговли землей выявлен в Кимрском уезде.

В Славковской вол., рядом с деревней Бакланово, находится поместье бывшего помещика Кожевенникова. «С 1861 г.—притеснял нас этот паразит, целой деревней работали на него, кровопийцу: жали рожь, косили траву, за то, что наши коровы пользовались водой из пруда. Ни революция великого Октября, ни декрет о выселении помещиков—Кожевенниковского гнезда не коснулись», указывают в своем приговоре Баклановские крестьяне.

Так они писали в июне месяце 1926 г. в волземкомиссию и указывали, что Кожевенникову земля не нужна, что он заключил фиктивную сделку с бывшим крупным торговцем Шаргаловым, который и сейчас имеет фруктовый магазин в Москве. Под видом «приймачества» Шаргалов вселился в помещичье гнездо и на правах его хозяйина начал притеснять баклановских крестьян.

В результате дознания, которое, к слову сказать, велось около 4 месяцев, Шаргалов предстал перед судом за незаконную куплю земли.

Характерно бездействие Славковских властей; несмотря на настойчивые требования Баклановских крестьян о привлечении виновных к ответственности еще в 1926 г.—дело тянулось до сего времени и все-таки главная виновница, Кожевенникова, осталась безнаказанной.

Выявлен и такой случай: в с. Потупово Кашинской вол. кр-н Ломиков должен был выплачивать на содержание своих детей по 12 рублей в месяц. Он входит в соглашение со своей бывшей женой, которой и продает полторы десятины земли по 36 рублей за десятину, с таким расчетом, что эта земля по достижении возраста детей перешла в полную собственность его жены.

В этой же волости группа крестьян села Введенского, испытывая нужду в деньгах, обратилась за помощью к бывшему помещику, ныне выселенному из своего имения Садикову и просила «судить им деньжонок». Садиков согласился дать крестьянам займы, но при одном условии, чтобы они отдали в его пользование часть своей земли. И крестьяне заключили с Садиковым сделку, по которой передали в его пользование более 3 десятин земли за совершенно ничтожную сумму. Имеются и такие случаи:

В деревне Бурепено сдана на 30 лет в аренду за 100 рублей земля группе горожан. В дер. Рылево кулачье скупает у бедняков землю под видом аренды по цене 2 р. и 2 р. 50 коп. за десятину. Арендаторы ухищряются делать так, что налог платят бедняки. Покупка земли кулаками практикуется большей частью у крестьян, переходящих на работу в город. Так, нанявшийся на козавод продал два надела земли по 60 рублей. Случаи эти не единичны. Земля попадает главным образом зажиточной части деревни, но ВИК проходит мимо этих фактов и утверждает договоры. Сейчас договоры расторгнуты и виновные в продаже и купле земли привлечены к ответственности.

По этим 18 делам подсудимых было 68 человек, из коих осуждено 59 человек или 88%, оправдано 12%.

Какие же применялись меры соц. защиты в отношении лиц, участвовавших во всех этих сделках?

Судом не соблюдались директивы правительства от 26 марта 1928 г. Так, к краткосрочному лишению свободы приговорено 98% и 96% из них освобождены по амнистии, тогда как лишение свободы могло быть заменено штрафом, как это делали некоторые суды.

Нужно сказать, что судебная политика судов по этим делам не учитывала иногда социальной опасности данного преступления и не проводила классового принципа. Так: нарсуд 5 района В. Волоцкого у.—кулака, злостного спекулянта землей Цветкова приговорил к 4 месяцам лишения свободы, по амнистии освободил от наказания, а купленный участок земли, который по закону должен быть отобран—оставил в его пользовании, чего Цветков и добивался в течение 2 лет.

Покупателя и продавца земли Гущина и Евдокимова из Кимрской волости, дер. Клоков, суд подвергнул штрафу на 50 р., а землю почему-то оставил в их пользовании. Имеются случаи и неосновательного оправдания подсудимых.

Тверь.

В. Кудряцев

Библиография.

Таблица оплаты гербовым, нотариальным и местным сборами сделок и документов, нотариально удостоверяемых и свидетельствуемых в нотариальных конторах и у народных судей. Изд. НКЮ РСФСР, офиц., ц. 30 коп.

Официальная таблица нотсборов, взимаемых нотконторами и нарсудьями при выполнении нотариальных действий, представляет собою безусловно ценное практическое пособие, которым охотно будет пользоваться каждый практический работник по нотариату.

В ясной отчетливой форме таблица указывает размер сборов—гербового, нотариального и местного—подробно перечисляя виды документов (53 порядковых номера, с подпунктами), и приводя в каждом конкретном случае основание обложения или освобождения от сборов.

Таблица даст возможность каждому, хотя бы слабо квалифицированному, сотруднику нотконторы с надлежащей полнотой и четкостью производить записи в карточках и удостоверительных надписях; в нотариально удостоверяемых документах до сих пор нередко встречаются ссылки на несоответствующие статьи и §§ того или иного закона о сборах, а также стереотипное: «от сборов свободно», без указания основания освобождения от сборов.

Особенно ценным является в таблице подробное перечисление документов, устраняющее сомнения по вопросу о размере сборов в тех случаях, которые прямо не предусмотрены в таксе сборов; напр., обложение простым гербовым сбором договоров о разделе имущества у многих нотработников вызывало сомнение в возможности взимания пропорционального нотсбора за удостоверение этих договоров, таковое сомнение подкреплялось тем соображением, что при разделе не происходит перехода какого-либо нового имущества к участнику общей собственности, а только имеет место замена права на идеальную часть общего имущества правом на реальную, выделенную в натуре, долю.

Таблица устраняет сомнения по данному вопросу, как и по многим другим, указывая во всех случаях точное основание размера гербового и нотариального сборов.

При пользовании таблицей необходимо исправить 2 опечатки: в пунктах «б» и «в» порядкового № 41, в графе пятой, вместо напечатанного 1%, считать 0,1% (сборы за исполнительные надписи).

Недочетом брошюры является отсутствие таксы сборов за техническую работу; пробел этот хотя и не существенный, но все же является досадным, так как таблица вследствие этого не явится исчерпывающим пособием в повседневной работе. Возникает необходимость или иметь под руками какой-либо другой сборник, содержащий таксу оплаты техработы, или переписывать эту таксу и вклеивать ее в настоящую брошюру. Надо надеяться, что при следующем издании таблицы этот пробел будет устранен.

В заключение нельзя не высказать пожелания, чтобы НКЮ издал аналогичную брошюру для вигов и с.-советов. В этой последней, необходимо для большей наглядности подразделить документы, удостоверяемые и свидетельствуемые в виках—от документов, относящихся к компетенции сельсоветов.

И. Новиков.

Брянск.

К настоящему номеру «ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ» приложение—«СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА» № 13.

Издатель: { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Вр. и. о. Ответственного Редактора: Ф. Нахимсон.